

Колдовские Миры

ЧЕРНАЯ ВЕДЬМА ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ

МАРИНА ЕФИМИНЮК

Колдовские миры

Марина Ефиминюк

**Черная ведьма желает
познакомиться**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ефиминюк М. В.

Черная ведьма желает познакомиться / М. В. Ефиминюк —
«Эксмо», 2019 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-103157-2

Никогда бы не подумала, что меня, настоящую черную ведьму в тринадцатом поколении, шантажом заставят изображать невесту. И кто? Бывшая жаба! Вернее, наследник поместья, которому мне по чужой милости пришлось человеческий облик возвращать. Но разве может легко сдаться колдунья из знаменитого рода Нортон? И со своими, и заодно с чужими родственниками справится, и жизнь хозяину поместья разнообразит, даже если он этого совсем не желает. Главное... чтобы в конце все живы остались.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103157-2

© Ефиминюк М. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марина Ефиминюк

Черная ведьма желает познакомиться

Глава 1

Жаба в ридикюле

Утро выдалось восхитительное, солнечное и благоуханное. В такие утра получалось абсолютно все! Во время уборки не разбился ни один флакон зелий. Не пролилась ни одна капля витаминного эликсира, когда я разливала его по фирменным бутылочкам. Но вишенкой на торте оказался принесенный ветром из соседней аптекарской лавки запах сгоревшего мясного рагу. Учитывая, что аптекарь считал наше соседство проклятьем светлой Богини, любой кулинарный провал его жены поднимал мне настроение не хуже веселящего зелья.

И когда мрачно скрипнула входная дверь, а в торговом зале появилась испуганная девушка в соломенной шляпке, я вдруг догадалась, что ко мне пожаловали неприятности.

– Эльза? – нервно сжимая в руках потрепанный ридикюль, с недоверием уточнила визитерша.

Благодаря маскирующему амулету я выглядела обычной молоденькой девушкой, темно-волосой и темноглазой, ни вертикальных зрачков, ни бледной кожи, ни алых губ.

– Госпожа ведьма, – поправила я.

– А я Милли! В смысле Эмили.

Говорить «добро пожаловать» в лавку к черной ведьме было не с руки.

– Госпожа Эльза! Ваш помощник Томас сказал, если что-то пойдет не так, то я тут же должна бежать к вам в лавку! – Она сделала несмелый шаг в сторону прилавка. – В общем, все пошло совершенно не так! Полностью, абсолютно и бесповоротно! Я специально подождала ночь и точно говорю, что бесповоротно...

Тут мне следовало спросить, а что, собственно, произошло, но как-то слова отказывались вылетать изо рта. Помощник Томас у меня не служил, как, впрочем, любой другой помощник, зато имелся кузен Томас, отчисленный из магистериума за отвратительную успеваемость. Месяц он жил в лавке, а пока набирался смелости предстать перед нашей бабкой Примроуз, то ел, как не в себя, кутил ночами напролет, портил местных пуританок и пару дней назад наконец отбыл в неизвестном направлении. Не успела я поблагодарить темную Богиню, как имя семейного смутьяна снова осквернило воздух торгового зала.

– И вот я к вам прибежала, – закончила девушка с надеждой в глазах.

– А что случилось? – все-таки спросила, почти уверенная, что прямо сейчас мне объявят, что я вскорости стану двоюродной теткой.

Она проворно подскочила к прилавку и раскрыла ридикюль. Ей-богу, лучше бы девица оказалась в интересном положении! Но Томас умел создавать проблемы только глобального масштаба...

Из разъявленной матерчатой пасти на меня с лютой ненавистью таранилась огромная серая жаба. Конечно, может быть, виной злобному взгляду была банка с засушенными лягушачьими лапками на полке за моей спиной.

– Это Картер, – прошептала девица. – Пусть он снова станет человеком!

Выходило, что несколько часов назад жаба не квакала, а говорила мужским голосом, не скакала, а шла на своих двоих к Милли в шляпке, чтобы, вероятно, заняться неудержимым прелюбодеянием. Надеюсь, что шляпки в тот момент на девушке не было.

– И давно? – осторожно уточнила я.

– С вечера, – зарыдала она.

После трех выпитых чашек успокоительного чая поток слез иссяк. Заикаясь, визитерша сумела объяснить, что паршивец Томас пообещал ошеломительный эффект от приворота, но никто не ожидал оказаться ошеломленным в прямом смысле слова.

– Я же сделала, как он велел: кровь добавила, в вино накапала, а Картер... Чих, пых и вот... Если в Ратуше узнают, что я опоила... и он... меня же в исправительный дом закроют!

Она сморщилась, снова собираясь разразиться слезами. Я тут же подлила в чашку успокоительного чая, в котором уже больше плескалось коньяку, нежели чая.

– Пейте!

Девушка прихлебнула напиток и, шмыгнув носом, уточнила:

– Госпожа Эльза, что делать будем?

Мы синхронно посмотрели на Картера, сидевшего в стеклянном вазоне. Оголодавшая жаба с нездоровым гастрономическим интересом поглядывала на мух, ползавших по широкому горлышку, и определенно мечтала устроить пиршество. Надо было бы летуний отогнать, но чего человека мучить? Пусть закусит, если уж сможет выловить.

– Раз сам не обратился, значит, будем варить, – вздохнула я.

В тот момент, тютелька в тютельку, в гробовой тишине торгового зала из пыльных часов на стене страшным хрипом прокаркала кукушка.

– Кого? Картера?! – Эмили немедленно схватила вазон с жабой и прижала к груди: – Только через мой труп! Лучше сварите меня саму!

У меня изогнулись брови, и вид, похоже, получился ужасно заинтересованный.

– Ну... – замылась клиентка и вкрадчивым жестом вернула вазон на стол. – Вы же не заставите меня съесть Картера в одиночку? Знаете, госпожа ведьма, я все-таки предпочитаю булочки на обед, а не рагу из жаб... А в том, что он сейчас такой, и ваша вина тоже имеется... Но, конечно, если надо есть, то лапки я попробую пососать.

– Обещаю, что Картера мы обглаживать не станем, – содрогнулась я от одной мысли о том, чтобы попробовать беднягу на зуб. – Мы будем зелье обратное варить.

Лавка у меня была крошечная, досталась от часового мастера, разорившегося пару лет назад. Внизу торговый зал, наверху – две спальни и купальня. Варить зелья приходилось, стыдно сказать, на кухне, приравнивая магическое священнодействие к приготовлению похлебки, а хранить ведьмовские котелки – в обычных кухонных полках рядом со сковородками. Увидела бы бабка Примроуз, поперхнулась бы от хохота.

Через три часа, когда солнце перекаатилось на другую сторону неба и залило внутренний двор горячим светом, зелье почти доварилось. Подперев щечку кулачком, Эмили, бдешая за приготовлением, задремала. Из одной ноздри у нее торчала закрученная жгутом салфетка, другая выпала в чашку. Затычки она засунула в нос, как только из котелка повалил зеленоватый дым с гнилостным запахом.

– Эмили! – позвала я девушку.

Клюнув носом, она с трудом продрала глаза, растерянно оглядела банки с ингредиентами, раскрытый гримуар, а потом уже сфокусировалась на протянутых портняжных ножницах.

– Режьте волосы, – велела я.

– Налысо?! – мгновенно проснулась она.

– Можно и налысо. Главное, полотенце подстелить, а я там пару волосинок выберу.

Одарив меня настороженным взглядом, девушка оттяпала от кудрявой челочки жиденькую прядку в десяток волосинок и передала мне. Последний ингредиент утонул в густом вареве. Зелье запыхтело, запузырилось и стихло. Как любое магическое снадобье, остывало оно в считанные минуты и на глазах покрывалось глянцево-пленкой.

Окунать жаба решила прямо в котелке. Глядишь, земноводное – не потонет.

– Кидайте Картера в самую гушину, – велела я.

– Помоги мне, светлая Богиня, – прикрыв глаза, помолилась девушка.

Жаб плюхнулся в зелье со странным бульканьем, расплескав брызги по столешнице, и немедленно пошел ко дну.

– Ой, он тонет! – испуганно вскрикнула Эмили, но Картер очень сильно хотел жить и резво всплыл, в панике взбивая магический отвар задними лапами.

И вот тогда-то мне в голову пришла своевременная мысль (я вообще была гораздо на своевременные мысли), что сейчас бедняга похож на жабу, но уже через десять минут перед нами предстанет абсолютно голый и злой, как тысяча темных приспешников, мужчина! Не то чтобы я никогда не видела обнаженных мужчин в ярости, да и невольная напарница явно целомудрием не страдала, но Картеру-то придется возвращаться домой. Не бежать же по улицам, прикрывая чресла лопухами?

– Куда вы, госпожа ведьма? – остановила меня удивленная Эмили. – А как же Картер?

– Пусть поплещется еще чуток, – распорядилась я. – Сейчас рубаху принесу.

Томас собирался в такой спешке, что мог оставить часть дорожного багажа (я так и не успела проверить), но в громоздком шкафу, занимавшем почти четверть крошечной комнаты, на плечиках скособочилась единственная рубашка, отбракованная из-за пожелтевшего пятна от брокколи прямо на воротничке-манишке. Недолго думая, я завернула в собственную спальню и вытащила из комода безразмерные ситцевые панталоны в сердечко с кружевными воланами на штанинах. Уродливое недоразумение мне подарила прабабка пару лет назад, заявив, что без сексуального нижнего белья я никогда не сумею продолжить род Нортон. Туфель мужских в девичьем хозяйстве, конечно, не имелось, пришлось прихватить вязаные полосатые гольфы.

Когда я вернулась в кухню с охапкой вещей, то обнаружила, что возбужденная Эмили длинной деревянной ложкой пыталась выудить жабу из котелка.

– Госпожа ведьма! – воскликнула девушка с круглыми от страха глазами. – Посмотрите сюда! Он стух!

Жаба в посудине посинела и опухла. В прямом смысле этих слов стала лазоревого цвета и заметно раздалась в размере, как будто наглоталась зелья. Слава темной Богине, не всплыла надутым брюхом кверху...

– Так и должно быть? – прошептала девушка, преданно заглядывая мне в лицо. Я старалась сохранять непроницаемую мину, но в голове проносился вихрь отборных ругательств. Конечно, так быть не должно! Ни разочка не должно!

– Вынуждена признать, что оборотное зелье не подействовало, – откладывая одежду за ненадобностью, резюмировала я и осторожно двумя пальцами выловила жабу за заднюю лапу. Бедняга Картер повис в воздухе, определенно не веря, что ему не дали захлебнуться в зловонной жиже.

– И что теперь будет? – Эмили приняла посиневшего кавалера в нежные руки.

– У него много родственников? – уточнила я, пытаюсь прикинуть, как скоро пропавшего горе-любовника объявят в розыск.

– Он умрет? – побледнела она.

Типун тебе на язык!

– Госпофа федьма, – секундой позже промычала девушка. – У мефя фто-то с яфыком случилось...

– Сейчас травяного чая дам, – смиренно вздохнула я.

Из чего же Томас наварил свой ядреный приворот, если на жабу, в смысле Картера, не действовало столь же ядреное оборотное зелье? Да оно в прошлом году даже с рогами, выросшими у мэра после адюльтера, справилось!

Мы с жабой обменялись ненавидящими взглядами.

Обычно личный гримуар черная ведьма начинала вести с самого первого сотворенного заклинания, но у меня как-то с собственной магической книгой не сложилось, и я пользовалась заметками покойной матушки. Толстенный фолиант с желтоватыми, исписанными убогим почерком страницами представлял собой дикую смесь из зелий, заклинаний, рецептов приготовления рисовых пудингов и ежедневных заметок о жизни в замке Нортон. На полях, где мама описывала побочные эффекты фирменного обратного зелья, имелся комментарий такими маленькими литерами, что мне пришлось выйти из образа пугающей черной ведьмы и нацепить на нос круглые очки. *«Если целовать от души и с искренним желанием, то любая жаба превратится в принца».*

Сняв окуляры, я с интересом покосилась на пригорюнившуюся Милли. Интересно, это была аллегория или руководство к действию? Чем темная Богиня не шутит?

– Эмили, вы же искренне хотите, чтобы Картер снова стал человеком?

Та страстно закивала головой.

– Тогда целуйте его! Но чтобы с душой!

Девушка громко икнула и начала зеленеть.

– Может, попробуем еще какую-нибудь отраву сварить?

– Боюсь, что в случае с Картером магия бесполезна.

– Ну, раз так... – Она шмыгнула носом, вытащила жабу из вазона, сглотнула... и вдруг промычала: – Может, Богиня с ним, пусть квакает? Я ему стану мушек ловить.

– Эмили, вы целуете захворавшего, но горячо любимого мужчину!

– Честно сказать, не то чтобы горячо...

Признаться, я самым подлым образом поперхнулась:

– Но ты же его приворотом напоила!

– Так у него же куры денег не клюют! Вернее, перестанут клевать, если он наследство от дядьки получит. Картер подарки делал: платочек шелковый, сумочку, чулочки вот принес... – Она выставила ногу, демонстрируя розового цвета чулки. – Но ему белобрысую выдру в невесты подобрали и велели жениться! Вот скажите, чем я хуже ее?

– Выдры?

– Тоже, знаете ли, могу ложкой с ножом кушать и арии наизусть рассказывать!

– Поцеловать все равно придется, – перебила я.

– Ну, раз надо, то, конечно, поцелую, – сдалась Милли и с разнесчастным видом поднесла жаба к вытянутым уточкой губам.

Чмок!

Клянусь, жабу тоже передернуло от отвращения, и в человека она превращаться не захотела. Некоторое время, расстроенные неудачей, мы молчали.

– Вы что-то говорили о белобрысой выдре? – уточнила я, отгоняя от себя мысль попытаться самой облобызать посиневшее земноводное. В конце концов, кто, кроме меня, еще так искренне желает, чтобы оно, вернее, он вернул человеческий облик? Ведь если невеста не сможет превратить Картера в парня о двух ногах, то мне можно паковать вещи в дорожные сумки, снимать с лавки вывеску и отправляться в тесные до удушья семейные объятия.

Но разве я, ведьма Нортон в тринадцатом поколении, могу так сильно обрадовать бабку Примроуз, а заодно и целый город пуритан? Да ни в жизни!

* * *

В Сельгросе я поселилась полтора года назад после окончания магистериума, вдрызг разругавшись с бабкой. Она хотела меня выдать замуж за внука своей заклятой подружки, а я мечтала о собственной магической практике. Зря, что ли, пять лет варила в учебных котлах зелья и училась искусству терпения? Однако когда по провинциальному Сельгросу, где пури-

тане отчаянно скрывали от соседей, что являются самыми обычными людьми, прошел слух о переезде черной ведьмы в бывшую часовую лавку, у города случилось коллективное помутнение рассудка.

В приемную к мэру выстраивались вереницы из несогласных, а аптекарь взялся за возведение каменной стены между нашими задними дворами. Правда, на середине работы запал закончился, а может, сосед решил, что новая арендаторша, не важно, черная она ведьма, белая или деревянная, обязана взять остаток расхода на себя. Он не учел, что меня соседство с аптекарской лавкой совершенно не смущало. Теперь наши сады, одинаковой меры запущенности, разделяла монструозная постройка, половиной напоминая крепость высотой в пять футов, а другой половиной – хлипкий плетень, готовый разломаться от любого дуновения ветра.

Но оплотом моих ненавистниц была восточная часть города, где и жили Картер с будущей женой. Улочки респектабельного района утопали в зелени, а пешеходные дорожки были выложены мелкой брусчаткой. Не иначе чтобы черная ведьма свернула себе шею на высоких каблуках, если бы задумала появиться перед глазами местных активисток. Мне говорили, что каждое воскресенье они собирались в храме «на чай и не только». Подозреваю, что на повестке дня где-то между разбором соседских прегрешений и сбором денег на праздники ставили насущный вопрос о выселении исчадия ада, то есть меня, за городскую стену, а еще лучше вообще обратно в замок Нортон.

Стоя перед белым домом с синими ставнями на окнах, я уточнила у Эмили:

– Вы уверены, что они живут здесь?

Ответа не последовало. Любовница Картера с вороватым видом забиралась обратно в кеб, рассчитывая по-тихому слинять.

– Стоять! – строгим голосом приказала я. Даже не наслала никакого наговора, а она все равно споткнулась и едва не вписалась носом в брусчатку.

– Госпожа ведьма, – жалобно отозвалась Милли, поправляя скособоченную шляпку, – можно мне постоять на углу дома или, еще лучше, на остановке городского омнибуса?

– Нет, – категорично отказалась я принимать удар на себя. – Не переживайте, Эмили, выдре наверняка хватит воспитания не вцепиться вам в волосы.

– Вы так думаете? – с надеждой уточнила она.

– Конечно!

Тугоухий услышал бы в моем бодром голосе фальшь, а если бы не услышал, то разгадал по выражению лица. Я была почти уверена, что вихры Милли пострадают, притом совершенно заслуженно, а если сильно не повезет, или обманутая невеста войдет во вкус, то еще и шляпку растопчет.

Гуськом мы направились к двери с милым бронзовым молоточком. Когда я будто случайно покосилась в окна соседского дома, то заметила очень подозрительное шевеление занавески. Уверена, что за нами, затаив дыхание, следили абсолютно все местные кумушки. Но не успела протянуть руку, чтобы постучаться, как дверь сама собой распахнулась, и на меня налетела растрепанная вполоненная девица.

– Ой! – пискнула она, отступая в дом. К слову сказать, белобрысая выдра оказалась хорошенькой, совсем юной шатенкой явно столичного разлива.

– Здравствуйтесь, – торжественно кивнула я.

– Здравсьте, – пропищала за моей спиной Милли.

– Госпожа ведьма, вы и правда умеете читать мысли на расстоянии? – удивленно заморгала девица.

Чего?

– Я как раз направлялась к вам! – заявила она. – Мне жизненно необходима ваша помощь! Говорят, что вы умеете искать людей. Помогите найти моего жениха!

– Зайдем, – скомандовала я и повелительно кивнула Эмили, страдальчески тискавшей в руках ридикюль. Надеюсь, что Картера она до смерти не замяла.

Снаружи дом выглядел кукольным, но комнаты внутри оказались просторными, что невольно наводило на мысль о магии. Нас проводили в гостиную с полосатыми диванами и вычищенным камином.

– Может, чаю? – растерянно предложила хозяйка, когда мы расселись. – Правда, я прислугу с утра отпустила. Знаете... чтобы слухов не было. Он ушел вчера вечером, но так и не вернулся!

Девушка громко всхлипнула и приложила к глазам батистовый платочек, чтобы аккуратно промокнуть слезы. Невольно я покосилась на Эмили. В розовых чулочках и с рыжеватыми кудельками, выбившимися из-под соломенной шляпки, она определенно уступала невесте Картера. Бедняжка потупила взор, видимо, намекая, что слово придется держать мне.

– Милая... – начала я, но замялась, всем видом давая понять, что было бы неплохо узнать имя хозяйки кукольного царства.

– Дороти, – подсказала она. – Меня зовут Дороти Слотер.

– Милая Дороти, мы к вам с двумя новостями. Одна другой лучше! Первая – ваш жених не пропал, более того, он приехал с нами.

– Он что, спрятался за домом? – наивно уточнила она, для чего-то глянув в выходящее в сад окно.

– Не совсем...

Вдруг девушка, без преувеличений, оцепенела от неожиданного ужаса. Бледное лицо приобрело странный синюшный оттенок.

– Дороти, вы, главное, не нервничайте, – попыталась успокоить я невесту, но, как водится, стоит человеку услышать призыв взять себя в руки, как он немедленно начинает психовать, словно чокнутый.

– Госпожа ведьма, – прошептала она, – выходит, что Картер умер?

– Когда? – не поняла я.

– Он умер и связался с вами?! – Девушка вскочила с дивана, точно ее ужалила в ягодицу распрямившаяся пружина. – Поэтому вы узнали, что я его ищу? Так?

– Дороти, сядьте! У меня есть еще одна новость, но ее лучше слушать сидя! – пресекла я истерику. – Картер жив, просто он... несколько не похож на себя.

Последовала долгая пауза. Девушка впиалась горящим взглядом в Эмили, нервно заерзавшую на диване.

– И он вселился в нее? – ткнула пальцем Дороти в сторону модистки и вдруг рванула к ней с такой проворностью, что Милли вжалась в спинку дивана. – Не переживай, милый! Мы попросим госпожу ведьму, и она выколупает тебя из этой уродливой плоти!

– Уродливая плоть?!

Оскорбленная Эмили вскочила с дивана. Ридикюль шлепнулся с коленок, раскрылся, и синий одутловатый жаб кубарем прокатился по белому ворсистому ковру.

– Осторожно! – рыкнула я, и злой порыв ветра рванул в комнате занавески, а девушки испуганно замерли. – Он же так сотрясение мозга получит!

Хотя, на мой взгляд, сотрясать у Картера было решительно нечего. Имелся бы мозг, сейчас бы не катался синей жабой по белому половику.

С недоверчивой миной (мол, да вы шутите, странные гости) Дороти проследила, как я заботливо подняла жабу, и загробным голосом уточнила:

– Только не говорите, что это существо...

– Картер, – согласно кивнула я.

– Очешуеть! – резюмировала девушка.

– Ну, он, конечно, заквакал, – даже несколько оскорбилась я, – но где вы нашли чешую?

Однако невеста уже закатила глаза и свалилась в обмороке. Правда, в себя она пришла очень быстро. Всего лишь после двух пощечин.

Пришлось болезную пересадить на диван и протянуть стакан с водой. Дороти уже хотела прилечь, но, видимо, припомнила, что из рук черной ведьмы пить решил бы только самоубийца, и с опаской отставила стакан на столик.

– И как он стал жабой? – наконец спросила она.

Милли низко опустила голову, старательно пряча глаза.

– Роковая случайность, – туманно отозвалась я. – Знаете, не из той лужи выпил.

– Как козленочек? – растерянно уточнила Дороти.

– Простите, но как последний кретин, – не удержалась я от конструктивной критики в адрес аморального поведения главного героя трагедии.

– А почему он синий?

– Простудился, пока купался.

– Он теперь таким и останется? – Голос невесты истончился от слез.

– Не дай, темная Богиня! Просто поцелуйте его, и он снова превратится в человека, – излишне оптимистично заявила я и даже пожала плечами, мол, что может быть проще, чем вернуть квакающему жениху человеческий облик.

– Всего лишь? – зачарованно выдохнула Дороти, разглядывая перепончатое создание, и вдруг с ужасом воскликнула: – Пойдите, поцеловать синюю обрызгшую жабу?!

– Картера, прошу заметить, – поправила я.

– Мне?!

– Ну, раз у Эмили не получилось... – пробормотала я себе под нос, но Милли расслышала и испуганно икнула.

Невеста побледнела, взгляд сделался затравленным.

– Госпожа ведьма, а вы уверены, что это нужная жаба, а не какая-нибудь приبلудная?

– Да что ж вы все так боитесь-то с лягушкой облобызаться?! Он не кусается! – разозлилась я. – Вам пример, что ли, показать?!

– Не надо! – в унисон воскликнули девушки, не позволяя мне оставить осторожный чмок промеж жабьих глазенок.

– Я сама, – кашлянув, сдержанно пояснила Дороти. – Поцелую своего жениха.

Она забрала измученное создание, крепко зажмурилась и, затаив дыхание, крепко прижалась губами к синей спинке.

– Ну как, госпожа ведьма? – промычала невеста, приоткрыв один глаз. – Сработало?

Вокруг жабы загорались голубые огоньки.

– Скорее кладите его на диван! – всполошилась я, понимая, что прямо сейчас на руках у хрупкой девушки образуется половозрелый полновесный мужчина.

Картер полетел на полосатый диван, расставив лапы, словно подбитая птица – крылья. Не успел он приземлиться, как из тела вырвались острые лучи света, на секунду нас ослепившие, и на диван рухнул обнаженный подтянутый парень. Он был покрыт синими пятнышками, чем до смешного напоминал испорченную черной ворожкой боковую коровку. Картер смачно шибанул лбом о резной деревянный подлокотник и, выругавшись, голым задом уселся на полосатые диванные подушки.

– Ква-квакого демона?! – выдавил жених хрипловатым голосом.

– Картер, милый... – прошептала Дороти, прикладывая к дрожащим губам тонкие пальцы. – Ты снова стал мужчиной!

Неверно истолковав радость нареченной, тот скрестил ноги и, нащупав подушку, прикрыл причинное место. Клянусь, я ничего там не рассматривала! Ну, может, самую малость. Исключительно ради желания узнать, все ли тело покрыто синими пятнами. К слову, «там» тоже были пятна.

– Эмили? – вдруг обнаружил он посреди собственной чистенькой гостиной любовницу в лично подаренных розовых чулочках. – А ты что здесь делаешь?

– Разве она не ваша помощница, госпожа ведьма? – в свою очередь, уточнила Дороти.

– Спасибо, я и сама, без помощниц, неплохо с жабами справляюсь, – не без ехидцы отозвалась я. – Раз моя миссия выполнена, то позвольте откланяться.

Молодые люди разглядывали друг друга в гробовом молчании, а я, стуча каблуками, вышла из дома.

– Тогда кто вы? – донесся до меня напряженный голос Дороти. Прежде чем маленький домик затрясся от громогласного скандала, я тихонечко прикрыла дверь.

Вечер был отличный, теплый, пахнувший сиренью. Сунув руки в карманы черного длинного платья, плавной походкой я направилась к стоянке для кебов. Из окон на меня с ужасом поглядывали местные кумушки, сворачивали с дороги испуганные дамочки с собачками. Давненько у меня не было такого хорошего настроения, чтобы прогуляться по вражеской территории, поугатать местных куриц и даже не воспылать желанием проклясть пару домов.

* * *

После десяти вечера в Сельгросе останавливалась жизнь. Улицы пустели, закрывался даже трактир, единственное во всем городе злачное место. Как по мановению волшебной палочки, исчезали наемные экипажи, словно никогда колесами не разбивали брусчатки маленького городка. Каково же было мое удивление, когда чуть за полночь, только кукушка скрипуче прокаркала двенадцать раз, в лавку настойчиво постучались.

Грешным делом, я решила, что ко мне под покровом темноты пробрался кто-нибудь из местной знати, неожиданно отрастивший хвост, ослиные уши или очередные козлиные рога, как в прошлом году мэр, но на пороге стоял высокий растрепанный парень. В руках он держал банку с какой-то живностью.

По ночам ведьмы видели не хуже, чем днем, но я с детства страдала слабыми глазами. В маскирующий амулет обязательно вплетала заклятье для остроты зрения. Чтобы в густой темноте рассмотреть позднего гостя, пришлось повыше поднять свечу и поправить на носу очки в тяжелой черепашьей оправе. Днем Картера я особенно не разглядывала, по крайней мере, не все его части, и смогла опознать бывшего жаба по пятнам, усеявшим смазливое лицо.

– Вот! – без предисловий сунул он мне почти под нос банку. Внутри раздувала шею большая серая жаба.

– Эмили еще и вашего друга приворотом напоила? – на всякий случай уточнила я.

– Нет, – покачал он головой.

– И из пруда вы это... прелестное создание тоже не вылавливали?

– Она упала в ночную вазу, – признался Картер. – Повезло, что в пустую. Утонуть не утонула бы, но вылавливать Дороти из полной ночной вазы...

– Не продолжайте.

Как у меня, преемницы самой сильной черной ведьмы королевства, лучшей адепки магистериума, да просто умницы и вообще, случился подобный, совершенно непотребный магический откат?! Так подпортить колдовское реноме! Да чтоб тебе, Томас, где бы ты сейчас ни был, икалось до тошноты во время еды и все куски падали на манишку!

Я пропустила пятнистого жениха в лавку и пока запирала дверь на засов, он с подозрением присмотрелся к обстановке. Изучил полки, заставленные синими флаконами, громоздкий темный прилавок, старую кассу, давным-давно не работающую и стоящую исключительно для торгового антуража. Мол, здесь не только проклинают, но еще и высококачественные витаминные снадобья продают.

– Почему это место мне кажется таким знакомым? – пробормотал визитер загробным голосом и пристроил банку с Дороти на прилавок.

– И давно она такая? – уточнила я.

– Как одиннадцать пробило, так и заквакала... Эм-м... в смысле....

– Ну, я поняла.

Картер сунул руки в карманы. Удивительно, но для мужчины, чья невеста из хорошенькой юной девушки превратилась в серую жабу, он выглядел преступно расслабленным. Другой бы уже поднял грандиозный скандал и заработал какое-нибудь мелкое, но остужающее горячую голову проклятье.

– Что ж, – вежливо улыбнулась я, – любовь, знаете ли, в вашем случае сотворит чудо. Доставайте невесту из банки и целуйте.

Парень набрал в грудь побольше воздуха, открыл рот, чтобы что-нибудь сказать... и закрыл обратно. От дурного предчувствия у меня задергалось нижнее веко.

– Вы ее уже? – уточнила я.

Картер кивнул.

– И не один раз?

Он развел руками, всем видом показывая, мол, пытался, но что-то пошло не так. Я прочистила горло и наконец осознала, в какие неприятности вляпалась по вине кузена.

– Ну что ж... – прозвучало, как и положено, глубокомысленно. – Будем расколдовывать.

– Не торопись.

– А? – вытаращилась я, даже не возмущившись, что ко мне обращались без нужного пиетета.

– Рассказать, чем занималась моя дражайшая половина прежде, чем стала этим... Как ты сказала? Прелестным созданием? – Картер изогнул брови, действительно предположив, что я опущусь до дискуссии, и не дождался. – Так вот, она собирала дорожные сундуки и намеревалась жить у какой-то полубезумной тетюшки. А у меня, между прочим, условие от родственников. Нет Дороти, нет денег.

– Сурово, – сухо отозвалась я.

– И не говори, – не различил он иронии. – Так что ты тут колдуй без спешки, а я пойду.

– Куда?!

– Домой спать, – ошарашил меня Картер. – Остаться ночевать здесь?

– В лавке черной ведьмы? – недоверчиво уточнила я, не понимая, он издевался или серьезно говорил.

– Я сегодня пережил двух разъяренных девиц. Что мне черная ведьма? – хмыкнул повеса.

– Вот уж точно. – Я начинала подозревать в бывшей жабе и сотрясение мозга, и отсутствие инстинкта самосохранения. Как он до своих лет-то дожил? Даже захотела познакомиться с семейством, воспитавшим столь безалаберное существо.

– Или нужна помощь в колдовстве? – вежливо уточнил Картер. – Говорят, что для некоторых зелий используется свежее мужское се...

– Вон! – ледяным тоном отозвалась я и ткнула пальцем в сторону двери.

– Спокойной ночи, госпожа ведьма. К слову, выглядишь очаровательно.

Эм-м? Я дотронулась до шероховатой щеки и немедленно вспомнила, что перед приходом жениха намазала лицо жирным слоем грязевой маски с морскими водорослями. Теперь маска засохла и, похоже, отваливалась кусками, точно плохая побелка от потолка.

Картер между тем слинял из лавки, оставив приоткрытой входную дверь, даже не успела ничего в спину шепнуть. Разъяренная, как пробужденная среди зимы горгулья, я кое-как отмыла маску от лица и бросилась в спальню к зеркалу в позолоченной оправе. Зажгла черные свечи, пошептала заклятье вызова и со злобным прищуром сквозь очки уставилась в зазеркалье, задымленное белым туманом.

Наконец изображение прояснилось, и передо мной появилась заспанная кузина Британи. Она широко зевнула, мелькнув клыками, и зябко натянула на хрупкие плечи ярко-красный пеньюар.

– Ты время знаешь? – буркнула недовольная ведьма. На заднем плане стояла большая кровать. В черных простынях кто-то закопошился, подозреваю, что не кот.

– Знаю! Кукушка прокаркала!

Часы мне достались вместе с лавкой, и кукушка поначалу в них была самая обычная, механическая, кривовато выезжавшая на пружинке. Но во время новоселья кузина набралась крепкого эля и решила подправить антураж, добавив в него замковой мрачности. Птичку она заставила каркать дурным голосом, а наутро не вспомнила, что именно шептала. Как назло, именно на пьяную голову Брит создавала самые крепкие заклятья, захочешь – не разрушишь. В итоге я привыкла, но клиенты, особенно новые, тишком осеняли себя божественными знаменьями.

– Где это исчадие ада?! – завопила я, заставив кузину отшатнуться от зеркала.

– Заснуло сразу после ужина, – немедленно отрапортовала она и тут же уточнила: – Или ты не про дядьку Аскольда?

– Я про твоего брата! Где Томас? Я хочу его убить!

– Ты тоже?

– А кто еще? – даже несколько поостыла я.

– Занимай очередь после бабки Примроуз, – хмыкнула Брит. – Сегодня в замок пришло письмо из магистериума, что неудачнику Томми дали под зад коленом. Если не будет дураком, то в замке в ближайшие лет пятьдесят не появится. Бабка рвет и мечет, доберется до братца первой, то тебе остается только труп убивать.

– Я бы его воскресила и еще раз убила! – мстительно процедила я.

– А что он сделал тебе?

– Жабу он мне сделал! Даже две, одна до сих пор квакает! – огрызнулась я и шмякнула перед зеркалом банку с Дороти.

Я верю, что Брит очень хотела проникнуться и оценить масштаб неприятностей, которые на меня посыпались по вине семейного смутьяна, но пока что она прыснула в кулак издевательским хохотом.

– Не смей ржать! Иначе превращу в розового пони!

– Понимаю. Обратное зелье не подействовало? – с фальшивым сочувствием протянула кузина, сама частенько исправлявшая последствия неумелой ворожбы ядреным снадобьем.

– Не сработало, – обреченно вздохнула я.

– А жабой-то она как сделалась? Томас подлил ей возбуждающего зелья? – продолжала издеваться она.

– Это криворукое недоразумение посмело на *моей* кухне! В *моем* магическом котле! – делая особое ударение на слово «мое», цедила я. – Сварганить дешевый приворот, разлить по *моим* фирменным бутылочкам и продать в *моем* городе местным дурочкам! Смерть ему!

– Ну, с Томасом все ясно, а жабу-то, выходит, местная дурочка приворожить пыталась?

– Да лучше бы уж так...

Вкратце я поведала кузине события сумасшедшего утра, присовокупив в адрес нашего брата пару отборных ругательств, и в конце мне вдруг саму себя так жалко стало, что хоть на луну басовито вой.

Кстати, говорят, очень помогает снять нервное напряжение. Сама не пробовала, но в магистериуме некоторые специально на пустырь во время полнолуния ходили. Такие рулады выдавали – кровь леденела.

– Надо в семейных гримуарах покопаться, – сладко потянувшись, резюмировала Брит. – Как что-нибудь найду, так с тобой свяжусь...

Она приготовилась щелкнуть пальцами и разорвать магическую связь.

– Стоп! – остановила я. – Когда именно ты начнешь искать? С вами, Нортонами, нужно ставить точные сроки, иначе останешься убийцей беспомощного земноводного. Ты знаешь, что жабы не живут долго? Она голодной смертью умрет, пока ты до замковой библиотеки доберешься!

– Хорошо, хорошо. Пойду утром, – вздохнула кузина.

– Сейчас!

– Ты точно, как бабка, – заныла Брит, – поэтому она и сделала тебя своей преемницей.

– Не сравнивай нас, я хуже!

– Ведьма. Черная, – вздохнула она и погасила зеркало.

Прихватив банку с Дороти, я спустилась в кухню, заварила покрепче кофе, чтобы не заснуть и дождаться связи с замком. Долгие месяцы меня одолевала бессонница, так что спать совершенно не хотелось, несмотря на поздний час...

Проснувшись я от того, что в кухне стало совсем светло. Подняла голову от раскрытого гримуара, потянулась до хруста в позвонках и замерла, осознав, что сквозь влажный густой туман в кухню пытается пробиться солнечное утро.

К слову, в каком бы месте ни поселилась черная ведьма, в предрассветные и ночные часы его обязательно начинал окутывать тяжелый холодный туман, хоть среди жаркого лета зажигай камин. Вокруг замка Нортон стояла такая завеса, что можно было в трех соснах заблудиться.

Схватив банку с Дороти, я вскарабкалась по лестнице, уселась к зеркалу и принялась стучаться к кухне. Через пять минут молчания стало ясно, что торопилась я напрасно. Заспанная, всклокоченная Брит сидела по другую сторону зеркала, устало подпирая щеку кулаком. На лице красовался залом от подушки, в глазах застыла тоска. Не возникало никаких сомнений, что она забыла обо мне, жабе и походе в библиотеку, едва ночью потушила магическую связь. Вообще-то, если посчитать, сколько раз я тайком от бабки Примроуз пробиралась в родовой замок, чтобы помочь кухне расколдовать очередного зачарованного приятеля, она была обязана броситься мне на выручку, теряя по дороге домашние туфли.

– Доброе утро, – процедила я.

– Выглядишь бодренькой, – широко зевнула Брит и, упреждая закономерный взрыв недовольства, проговорила: – Я тут подумала...

– Тебе не надо было думать.

– В общем, – проигнорировала она мое ворчание, – у нас есть время до зимы, пока она в спячку не впала. Нужно отыскать фолиант об уходе за аквариумными рыбками, а потом спокойно копать в библиотеке.

– При чем здесь рыбки? У меня жаба.

– Все равно ж хладнокровное и водоплавающее.

– Прокляну!

– Ну, чего ты раскудахталась? Что-то не вижу, чтобы твою лавку осаждал взбешенный жених.

И тут тишину дома сотряс непотребный в столь раннее утро грохот и панический вой:

– Госпожа ведьма, открой!!

– Кто это? – мгновенно пришла в себя Брит.

– Кажется, жених осаждать вернулся, – ошарашенно отозвалась я. Картер колотил с такой яростью, точно пытался снести с петель дверь, а вместе с нею вырвать крюки для засова.

– Никогда не видела, чтобы кто-то с такой охотой ломился в логово к черной ведьме, – хохотнула кузина. – Может, он на радостях перепутал дома, когда из трактира возвращался?

– Дождись меня.

Щелчком пальцев я потушила зеркало и заторопилась вниз, пока нарисовавшийся жених истошными криками не перебудил всю улицу. Ну и дверь тоже не хотелось ремонтировать.

Едва я открыла, как в лавку влетел взлохмаченный Картер в измятой, криво застегнутой рубашке. Глаза светились таким безумством, что в голову пришла мысль, а не предложить ли ему успокоительные капли?

– Где Дороти?

Жених дышал часто и тяжело, точно из восточной части города бежал до лавки на своих двоих. Да с такой проворностью, что под ногами поднималась пыль и горели кожаные подошвы.

– Даже темная Богиня за пару часов не сумела бы вернуть вашей невесте человеческий облик, – тут же встала я в позу, лишь бы очумевший клиент не подумал, будто у кого-то в колдовской лавке случился магический провал, настолько громкий, что хруст разломанных амбиций долетел до замка Нортон.

– То есть она еще квакает? – спросил он напрямую.

– Сейчас она дремлет.

– Ага... – Что-то подсчитывая в уме, Картер оглядел лавку, потом уставился на меня. – Ты умытая. Значит, пойдешь ты!

С неожиданной цепкостью он бесцеремонно схватился меня за руку и потащил к двери.

– Ку-ку-куда вы меня тащите?! – изумленно пропыхла я и уперлась пятками в порожек, отказываясь выходить на рассвете на улицу.

– Через пару часов у нас проездом будет брат, и если я не предъявлю ему невесту, то конец моему содержанию! – сквозь зубы процедил похититель.

– А почему тебе не позвать Эмили? – Я вырывалась с такой яростью, будто в лавку завалились инквизиторы и собирались оттащить меня на сложенный костер. – Она хотя бы человек!

– Мой брат, конечно, видел Дороти только на миниатюрах, но он же не слепой, чтобы разницы не различить! – Картер пытался отодрать мои пальцы от косяка.

– Но я тоже не похожа на Дороти! Вот посмотри! – Я сдернула с носа черепаховые очки. Маскирующего амулета надеть не успела, так что красовалась естественностью: кошачьими глазами, меловой кожей и дурацкой, похожей на мушку родинкой над пунцово-красным ртом. – Ну как? Оценил?

– У всех свои недостатки! – заявил Картер. – Ты же умеешь маскироваться, госпожа ведьма, вот и замаскируйся под Дороти.

– Нет! – категорично отказалась я участвовать в непонятной аванюре. Не хватало мне, черной ведьме в тринадцатом поколении, вызывавшей трепет у половины королевства (ладно, не королевства, а Сельгроса), притворяться чужой невестой!

– Ну, раз не хочешь без рук... – процедил жених.

Вдруг, выказывая удивительную силу для худощавого парня, он подхватил меня и перекинул через плечо, как мешок с картошкой, а чтобы не вырывалась, крепко-накрепко вцепился в ноги.

– Да ты бессмертный, что ли?! – ошеломленно рявкнула я. – Поставь меня на землю и беги отсюда, пока можешь бегать без костылей! Я же всамделишная черная ведьма...

– Для всамделишной черной ведьмы чего-то ты колдуешь плоховато! – пропыхтел он, выскакивая на улицу. Мои очки немедленно слетели во влажную от росы траву, а мир расплылся серым трясущимся пятном.

– А я предупреждала! – прошипела я и ткнула похитителя пальцем в ягодицу.

Сверкнула ослепительная вспышка. Картер взвыл от боли и уронил меня, что было логично, учитывая, какой силы магический укол ему достался. Мы покатались по засыпанной мелкими камнями дорожке, попутно сбивая цветочные горшки.

– Ведьма!

– Ты только заметил? – огрызнулась я, пытаясь вслепую руками нащупать очки в траве.

– Что ж так больно-то? – жаловался он, растирая парализованный зад. – Обязательно было заклятьем? Лучше бы укусила!

– Кусать за зад незнакомых мужиков негигиенично! Откуда я знаю, где ты своими портками терся!

– А знакомых, значит, нормально? – охнул подстреленный жених.

– У меня, между прочим, клыки! Вдруг бы прокусила?

– Яд бы впрыснула?

– Твоим бы отравилась!

Наконец мне удалось отыскать очки. Напялив их на нос в надежде, что мир вернет четкость, я оказалась жестоко разочарована. Правое стеклышко из тяжелой оправы выпало, а левое украшала вертикальная трещина. Чтобы разглядеть неудачливого похитителя, с болезненной гримасой растиравшего ягодицу, пришлось прищурить один глаз. Уверена, что последний раз выглядела столь чудовищно нелепо только в младенчестве, когда училась ходить.

Впрочем, Картер тоже на роль смазливового красавца не тянул. Кожу усеивали побледневшие, но заметные пятна. Одна нога была прямая, как палка, и не гнулась, очевидно, парализованная магическим разрядом. Наверное, стоило помочь новоявленному калеке, но, сидя с разбитыми очками и во влажной траве, из мелкой мстительности хотелось, чтобы хотя бы кому-то было хуже, чем мне.

– Ладно, госпожа черная ведьма, – прошипел парень, – я хотел договориться по-хорошему, но раз ты отказываешься по-дружески изобразить Дороти, то позволь тебе напомнить, из-за кого мы все оказались в такой абсурдной ситуации...

– Нечего было по бабам таскаться, вино с приворотами пить, а потом невесту всякими магическими хворьями, через поцелуй передающимися, заражать! – протараторила я.

– А кто этот самый приворот сварганил? – обвинительно квакнул он.

– Это не я! – вышло даже как-то визгливо и обиженно, будто в детстве, когда Брит или Томми хулиганили с зельями, а розгами от строгой бабки совершенно незаслуженно прилетало мне.

– Чем докажешь? – фыркнул жених, кое-как поднимаясь на ноги.

– Картер, – шурясь через одно стеклышко очков, восхищенно выдохнула я, – ты вообще осознаешь, что сейчас пытаешься шантажировать черную ведьму?

– Я предпочитаю это называть взаимовыручкой. Ты спасаешь мое ежемесячное содержание, а я твою магическую лицензию и делаю вид, что не знаю, куда писать жалобу на единственную в Сельгросе черную ведьму.

Он поддал руку, чтобы помочь мне встать. Удивительное дружелюбие, учитывая, что его безжалостно огрели магией. Не отказываясь от протянутой руки, я поднялась и оправила длинное черное платье, заговоренное на то, чтобы всегда оставаться идеально выглаженным.

– Поверить не могу, меня шантажирует пятнистый колченогий изменник! Ты свою физиономию в зеркало видел, бесстрашный?

– Кстати, еще тот вопрос, откуда у меня появились пятна.

Темная Богиня! Разве у жаб память не в две секунды? Лишь бы не припомнил купание в магическом зелье, противоречившее любым правилам профессионального колдовства.

– Ну так как? По рукам? – Шантажист кивнул в сторону наемного экипажа, по самую крышу утонувшего в густом тумане.

– Не пойму, в ридикюле Эмили у тебя, что ли, инстинкт самосохранения начисто отшибло? Может, проклясть тебя? – примерилась я, но издеваться над женихом, похожим на гороховое чучело, да еще с невестой-жабой на руках, было все равно что бить лопатой хромую собачку. Мало что Картеру действительно предстояло прохромать минимум пару часов.

– Можно еще и жалобу на угрозы в сторону законопослушного горожанина написать, – мечтательно протянул он. – Не хочешь наряжаться Дороти, до восьми утра преврати ее обратно в человека.

Вернуть Дороти человеческий облик у меня получилось бы лишь в двух случаях. Если бы на пороге лавки неожиданно нарисовался Томас и объяснил, чего наметал в ядовитое зелье, или же Брит перерыла семейные гримуары и сумела найти волшебное средство, способное превратить квакающую невесту в невесту нормальную.

Другими словами, я была обречена.

Мысль, что Картер действительно выполнит угрозу и мне придется попрощаться с магической практикой, вызывала волну возмущения. Я вовсе не сдавалась, а поступала как здравомыслящая черная ведьма, отчаянно не желающая возвращаться в родовой замок. Надеюсь, что выдвленная натянутая улыбка сойдет за милую, процедила, не разжимая зубов:

– У Дороти найдется подвеска, чтобы сделать маскирующей амулет?

* * *

К тому времени, как последний узелок магической паутины на золотом медальоне был завязан, в окно кухни ярко светило солнце. Однако вместо птичьего гомона, скорее всего привычного дому, стояла кладбищенская тишина. Как правило, рядом с черной ведьмой и животные, и люди цепенели. Впрочем, не все. Кошки, вороны и крысы не испытывали никакого трепета, а еще Картер.

Впервые встречаю подобный непуганый экземпляр.

Сладко потянувшись, я размяла шею и оглядела кухню. Белые шкафчики с блестящими стеклами, опрятный очаг, начищенные до блеска сковородки на крюках, льняные салфетки с вышитыми синими незабудками (точно под цвет ставен на окнах). После жизни в захламленном замке Нортон я с большой любовью относилась к порядку и в полной мере оценила усилия горничной, работающей у Дороти.

У бабки Примроуз имелся огромный штат прислуги. Возможно, если бы они получали жалованье, а не отбывали повинность за исполненные верховной ведьмой три желания, то столовое серебро у нас бы тоже блестело, а не исчезало с завидной регулярностью. Хотя, откровенно сказать, темная ворожба с чистотой в доме сочеталась неважно, особенно приготовление зелий, нередко имевших такой запах, что в аптекарском огороде вяли даже одуванчики. Как представила себя, наряженной в белый фартук да поварским тесаком отрубавшей голову живой курице, так вздрогнула. Не из-за кровожадного вида, а от мысли, что светлые шкафчики потом придется отмывать.

В тишине прозвучал звонкий стук лошадиных копыт. Я выглянула в окно. У дорожки к дому остановился запыленный экипаж, и возле него уже суетился лакей.

– Картер! – позвала я, поскорее надевая маскирующий медальон, мгновенно вспыхнувший зеленоватым всполохом. – Твой брат уже здесь!

В ответ дом отозвался гробовым молчанием. Нахмурившись, я выглянула в пустую гостиную. Потом с возрастающим недоумением проверила женскую и мужскую спальни. Кадка для омовений в купальне тоже была пуста, никакого спящего парня. Решила на всякий случай проверить в уборной, но попала в чулан, обдавший меня, как несвежим дыханием, едким запахом хозяйственного щелока. В тесноте стояли садовые инструменты и уличная метла, но никакого Картера. Выходило, что я осталась совершенно одна в чужом доме, а суровый гость, вызывавший в младшем брате натуральную панику, уже стоял на пороге!

Вдруг перед мысленным взором всплыло смутное воспоминание, как еще час назад, пока я, погруженная в магический транс, плела паутину для амулета, Картер в истерике носился по дому и искал какой-то перстень, без которого встречать брата было совершенно невозможно. Лучше вообще на порог не пускать. Потом он догадался, что забыл родовую реликвию у Эмили, и с воплем: «Одна нога тут, другая там!» понесся на другой конец города. Учítывая, что на

экипаже до западных кварталов можно было добраться за пятнадцать минут, а ходок так и не вернулся, убежал он на своих двоих.

– Да ты шутишь, должно быть... – прошипела я, удивляясь, как бывшая жаба в синий горошек сумела подложить мне такую свинью.

А в двери дома раздался тихий, но уверенный стук. Открывать я не собиралась и понадеялась, что визитер постесняется будить спящих мертвецким сном родственников и вернется к вечеру, чтобы оказаться чести по чести встреченным братом, но в тишине раздался едва слышный скрип, а приятный мужской голос произнес:

– У вас открыто. Я вхожу.

Да чтоб тебе, Картер, до конца жизни превращаться в жабу во время прелюбодеяния!

– Вы дома? – между тем требовал гостеприимной встречи гость.

Совершенно неприлично для черной ведьмы я испугалась и, сама от себя не ожидая, нырнула в чулан. Дверь изнутри оказалась без ручки, плотно прикрыть не вышло, так что осталась узкая щелка – единственный источник света и свежего воздуха. Запах щелока в закутке стоял такой плотный, хоть топор вешай. В носу отчаянно засвербело, я принялась растирать переносицу, надеясь сдержать громкий чих.

Прошелестели шаги. Гость остановился перед чуланом и с недоумением, обращаясь к самому себе, пробормотал:

– Куда они делись?

И тут щелок победил. Звонко чихнув, попутно я ткнулась лбом о дверь. Та легко открылась, предъявив моему взору прекрасно сидящий пиджак, обтягивающий широкие плечи. Осторожно подняла голову и вкрадчиво посмотрела на хозяина пиджака. В отличие от любвеобильной Британи, меня никогда не привлекали человеческие мужчины, но тут даже я признала, что старший брат Картера был до неприличия хорош собой и относился к тому типу, ради которого воспитанные в строгости девственницы портили репутацию и обращались к черным ведьмам за приворотами. Да и смотрел он так пристально, что умей я краснеть, то всепременно бы покраснела. Но черных ведьм смущаться не учат.

– Дороти? – прервал он долгое молчание.

– Здрасьте, – отозвалась я из чулана самым светским тоном, на какой была способна. Вообще, если бы Картер, прежде чем исчезнуть, снабдил меня необходимым знанием о том, как зовут раннего визитера, я бы чувствовала себя раскованнее. Не называть же будущего деверя Дороти «господин старший брат Картера».

– Вы знаете, он еще жив, – заметил он, изогнув брови.

– Кто?

– Дядюшка Флинт.

– Очень за него рада.

– Но вы уже в трауре, – открыто указал он на мое черное в пол платье, наглухо застегнутое на все пуговицы.

– Дядюшки имеют дурную привычку так внезапно умирать, что, поверьте моему опыту, надеть траур никогда не бывает лишним, – с чопорным видом заметила я и, заставив гостя потесниться, вышла из чулана. За моей спиной с треском посыпались садовые инструменты.

– Добро пожаловать в наш дом, – сделав вид, будто не заметила чудовищного грохота, поприветствовала я гостя.

– А где Картер? – наконец отмер он от моей невообразимой вежливости.

– На пробежке, – соврала я.

– Картер?! – поперхнулся мужчина. – И давно он начал бегать?

– С сегодняшнего утра. Как час назад обнаружил, что семейный перстень потерял, так и побежал рысцой в западный квартал.

Некоторое время мы снова рассматривали друг друга. Не могу утверждать, что там видел в лице Дороти визитер, надеюсь, что не перепутала магическое плетение и не оставила себе кошачьих глаз, но я с большим любопытством изучала по-мужски красивое лицо с едва заметной щетиной на подбородке.

Откровенно говоря, мне с трудом представлялось, как встречали дорогих (и не очень) гостей обычные люди, не обремененные кровной мстостью, родовыми проклятиями или клановой враждой. Черные ведьмы обычно собирались только по трем поводам: похороны, свадьбы и ночь Кровавой луны, к счастью, случавшейся не чаще пары раз за сто лет. Но, живя среди людей, я заметила, что когда они пытались вежливо заткнуть собеседника, то обязательно заставляли его что-нибудь пить или жевать. Вроде, когда я ем, то глух и нем. Чтобы лишить человека слуха или голоса, мне не требовалось даже напрягаться, щелчок пальцами, пара правильных слов и никаких разговоров на две недели вперед, но вряд ли будущий родственник Дороти оценил бы настолько сногшибательное гостеприимство.

– Может быть, чаю? – из вежливости предложила я.

– Было бы неплохо, – согласился он, предполагаю, тоже из вежливости и так меня напряг, хоть зубами скрипи. – Может, пройдем в гостиную?

Только сейчас стало ясно, что мы по-прежнему подпирали двери чулана. Вернее, подпирала я – спиной, а гость нависал надо мной, заставляя чувствовать себя по-женски хрупкой.

– Конечно. Добро пожаловать в наш дом.

– Вы уже говорили, – сухо отозвался брат Картера.

– Знаю, – не растерялась я, – но решила еще раз повторить, вдруг вы не расслышали. Какого вам чаю сделать? Черного, молочного или ромашкового?

– Вашего фирменного, – попросил он мой затылок, и от неожиданности я икнула.

Без преувеличений, именно икнула.

Как правило, после фирменного чая черной ведьмы выживали только черные ведьмы. Конечно, если на них лежало заклятье непрерывного везения. В принципе, на том оно и сгорало.

Но от хозяйственного подвига меня спас вернувшийся хозяин дома. В тишине мужской спальни вдруг раздался ужасающий грохот, как будто перевернули гардероб, а следом прозвучали сдавленные ругательства. Наконец дверь комнаты широко распахнулась и в коридор вывалился распаренный Картер. Он на ходу застегивал измятую рубашку, явно наугад вытащенную из приснопамятного шкафа. Безымянный палец правой руки украшал массивный перстень с драгоценным камнем кроваво-красного цвета.

Едва не столкнувшись с нами, Картер точно врос в пол и ошарашенно уставился на меня:

– Дороти? Ты?!

– А ты здесь ожидал обнаружить единственную в Сельгросе черную ведьму? – изогнула я брови и добавила сквозь зубы: – После пробежки ты вошел через окно.

В отличие от внешности, голос маскирующий амулет не изменял.

– Я разогнался и не вписался в двери, – брякнул Картер и обратил внимание на родственника: – Уильям, брат! Давненько не виделись!

Он расставил руки для дружеских объятий. На мой взгляд, с радушием жених переигрывал, но не мне было судить о принятых в людских домах традициях. Однако старший брат отшатнулся и вместо приветствий сморщился:

– Ты весь в пятнах.

– У меня была синюха, – не моргнув глазом соврал Картер и добавил: – Я уже незаразный.

– Да? А выглядит так, как будто ты недельный труп, – проворчал Уильям.

– Если бы у него были трупные пятна, то он бы сейчас не ходил, – заметила я с умным видом. – По крайней мере, не так резво и точно не сумел бы войти в окно. Это я вам как дочь профессионального некроманта заявляю.

Возникла странная пауза.

– Пройдем в гостиную, – наконец предложил Уильям, как будто именно мы завалились к нему в гости с утра пораньше, а не наоборот. – У меня к вам серьезные новости, и лучше их выслушать сидя.

Он будто собирался рассказать нам о том, что кому-то тоже не повезло превратиться в жабу.

– А как же чай? – уточнила я, все еще желая ради бедняжки Дороти продемонстрировать хорошие манеры.

– Она предложила тебе чай?! – испугался Картер, обращаясь к брату. – Не смей ничего брать из ее рук! Пойдемте лучше в таверну! Милая, как ты смотришь на таверну?

– Никак не смотрю, – хмыкнула я. – Из наших окон ее не видно.

– Откровенно сказать, у меня времени всего пятнадцать минут, – тихим голосом предупредил Уильям. Уверена, что он находился в последней стадии восхищения от нашего неудержимого семейного единения. Верно, потому и смотрел на нас с Картером как на чокнутых.

Наконец мы выбрались из коридорчика, для троих человек, откровенно сказать, тесноватого, и вольготно разместились на полосатых диванах.

– Я заехал сказать, что дядюшка Флинт при смерти, – огорошил брата Уильям без каких-либо предисловий. На мой взгляд, он поступил правильно. Чего тянуть, чтобы оторвать прилипшую к царапине повязку? Лучше одним махом. Однако Картер, похоже, так не считал, и на его пятнистом лице отразился испуг.

– Он настолько плох?

– Настолько, чтобы выразить желание официально объявить наследника. Я жду вас с Дороти завтра в поместье.

Возникла натянутая пауза. Картер поерзал на диване и нервно покосился в мою сторону.

– Мы... – заикнулся он, но тут же прикусил язык, когда я выразительно изогнула брови и едва заметно покачала головой, мол, даже не пытайся квакнуть.

– Ты же понимаешь, что если приедешь один, без своей очаровательной невесты, – видимо, заметив безмолвный диалог, Уильям вежливо кивнул в мою сторону, – то Флинт решит, что ты снова пошел поперек его желанию и отпишет поместье на благотворительность. В этот раз я его убедить не смогу.

Картер бросил на меня совсем жалобный взгляд. Могла бы наследничку посочувствовать, но меня бабка тоже вычеркнула из завещания, когда я со скандалом хлопнула парадными замковыми дверями, шваброй снаружи подперла и проклятье ржавчины на замок наслала... Согласно, швабра в прощальной комбинации была лишней.

Изматывающий визит подошел к концу, и гость поспешно засобирался к смертному одру дядюшки Флинта. Как и положено хозяевам, даже не напоившим гостя чайком, мы решили проводить его до кареты. Вернее, выстроились плечо к плечу за порогом дома и следили за тем, как Уильям загружается в салон. Когда экипаж тронулся с места, то мы с мещанскими улыбками помахали гостю вслед.

– Даже не думай, – процедила я сквозь зубы, едва карета скрылась из поля видимости.

– Я еще ничего не сказал, – тут же огрызнулся Картер.

– Не желаю притворяться твоей невестой и знакомиться с чужими родственниками, мне своих хватает! – немедленно заявила я. – И похороны тоже терпеть не могу! Потом от призрака не отвяжешься.

– Тогда верни мне Дороти!

– Да забирай! Кстати, банку прихвати. Хочешь, еще и сачок отдам, мушек ловить?

– Верни в изначальном виде.

Я кашлянула в кулак и не придумала ничего весомее, чем заметить:

– Ты же сам мне предложил не торопиться.

– Но не ждать же, пока она в зимнюю спячку впадет! – фыркнул жених.

– А вчера тебя это вполне устраивало.

– Вчера мой дядька не собирался отдать концы светлой Богине, а поместье на благотворительность.

– Имейте совесть, господин... Кстати, как у тебя там фамилия?

– Брент.

– Вот! Имейте совесть, господин Брент! вспомните, что вы уже не жаба и не квакайте всякий вздор!

Мы уставились друг на друга с яростным огоньком.

– Накатаю жалобу, и ты лишишься лицензии! – предупредил он.

– Прокляну.

– И это тоже в жалобу впишу.

– Прокляну артритом! Перо держать в руках не сможешь.

– Тогда лицензии лишится весь замок Нортон, потому что писать жалобу будет поверенный Уильяма.

– Ага! Так ты еще и справки обо мне навел? – прошипела я, понимая, что предприимчивый подлец припер меня к стенке.

Он вообще понимал, что грозил черной ведьме? Птичье проклятье мелкое, но зловредное. Ведь потом из дома без зонтика не выйдет, будет ощущать себя статуей основателя Сельгроса, той самой, что украшала площадь перед зданием Ратуши. Ну, как украшала...

По весне городской совет решил, что отмывать изваяние накладно, и выписал из магистериума белого мага, чтобы на статую наложить заклятье чистоты. Идти к черной ведьме за помощью местной пастве показалось попранием приличий и принципа соседской ненависти, а проще говоря, денег пожалели. Но все знают, что скупой мэр платит дважды. Мошенник из столицы взял золотые, только голубей не прогнал, а отогнал... на мэрский двор, стоявший на линии миграции обнаглевших птиц. Через неделю глава Сельгроса заплатил в три раза дороже единственной в городе черной ведьме, в смысле мне, лишь бы крылатая свора вернулась на прежнее место обитания и перестала изгаживать трехэтажный особняк. Основатель города, в отличие от мэра, все-таки был мраморным и плевать хотел, что на его «чердаке» гнездятся голуби.

– Я за полтора года только один раз лавку закрывала! Да и то на половину рабочего дня, когда тебя из жабы в человека превращала, – проворчала я, пытаюсь свыкнуться с мыслью о потерянной выручке, и смерила пятнистого шантажиста недовольным взглядом. – Хотя чего-то я явно не учла, когда тебя расколдовывала...

Глава 2

Беда в доме

Путь до Кросфильда, поместья Брентов, занимал почти половину светового дня, и уже на рассвете наемный экипаж с дремлющим Картером утопал в густом тумане возле моей лавки. Со странным чувством я повесила на дверь табличку «Закррито» и наложила на порожек проклятье неуклюжести. Не то чтобы мне думалось, будто какой-то чокнутый пожелает ограбить логово черной ведьмы, но все равно на окна добавила заклятье слепоты. Перед мысленным взором всплывала сцена, как ослепленный, подвернувший ногу вор, услышав надрывное карканье механической кукушки, налетел на стеллаж с зельями, сотни бутылочек осыпались на дощатый пол, и настроение сразу ухудшалось. Насколько вообще может ухудшиться настроение у взбешенной черной ведьмы, шантажом выманенной из логова.

Когда нагруженная круглым аквариумом с Дороти и дорожным саквояжем я забралась в экипаж, Картер приоткрыл один глаз и буркнул:

– Дороти предпочитает одеваться в светлое.

– Проклянуну, – сухо отозвалась я и расправила на коленях черную юбку. Никогда в жизни, даже в раннем детстве, не носила ничего светлого, клетчатого, полосатого или, того хуже, в цветочек, и изменять принципу не собиралась даже ради магической лицензии.

– И она все время улыбалась.

– Проклятьем икоты, – уточнила я, что именно грозило неудачливому жениху.

– А что это за проклятье? – вдруг заинтересовался он.

– Это когда ты станешь икать на каждую пошлую мыслишку.

– Ик! – немедленно отозвался он и с испугом прикрыл рот ладонью. – Ты что, уже?

– Задержи дыхание, – посоветовала я на округлившиеся глаза попутчика. – Обычно я только с обеда начинаю проклинать людей.

Мы помолчали.

– Ик! – вздрогнул бедолага и тишком покосился в мою сторону.

– Кстати, какая может прийти в голову пошлая мыслишка, глядя на черную ведьму с жабой в аквариуме? – изогнула я бровь.

– Да я не... – попытался мычать Картер. – Ик! Да чтоб тебя!

– Ну-ну, – с иронией хмыкнула я, наблюдая за тем, как он, задержав дыхание, начинает багроветь лицом. – Уже можно выдохнуть.

Пока он обиженно пыхтел в своем углу, я нацепила на нос круглые очки в тонкой оправе и вытащила из саквояжа фолиант с выдавленной на кожаной обложке надписью «Уход за земноводными и хладнокровными».

– Ты читаешь? – поперхнулся Картер.

– Мне сейчас оскорбиться? – покосилась я над стеклышками очков. – Ты же не думаешь, что черные ведьмы гримуары пишут крестиками и ноликами?

– В смысле, ты читаешь, как ухаживать за жабами?!

– И тебе советую, – отозвалась я, для вида переверачивая страницу, хотя не прочитала ни строчки. – Будешь знать, чем кормить благоверную, чтобы она лапы не протянула.

– Откровенно сказать, я надеялся, что ты ее раньше расколдуешь.

Кто ж спорит-то? Худенький, явно никем не читанный томик обнаружился на туалетном столике, когда я вернулась после встречи с Брентом-старшим. Видимо, в мое отсутствие Брит перемещалась в лавку через камин, оставила фолиант и шустро сбежала, чтобы не сталкиваться лично. Книжка недвусмысленно намекала, что кухня ничего путного о превращении жаб в принцесс не нашла.

– Она неплохо выглядит, – вдруг произнес он. – Такой умиротворенной.

– Жаба?

– И сытой, – вздохнул Картер, и в тишине раздалось невнятное голодное урчание живота.

Про сытость Дороти ничего не могла сказать, но мух в кухне не осталось ни одной. Кажется, они даже в окно боялись залетать.

– Поцелуетесь? – предложила я.

– Воздержимся.

– Если твои родственники начнут задавать вопросы, то я должна буду что-то говорить. – Я закрыла книгу. – Расскажи мне о Дороти.

– А разве ты не видишь прошлого человека? – изумился Картер, искренне, как ребенок, веривший, что если посмотреть черной ведьме в глаза, то она прочитает о тебе все, начиная от мелких грешков и мокрых штанишек, заканчивая прошлыми жизнями.

– И не читаю мыслей на расстоянии, и по утрам не пью молоко с кровью младенцев. Какие еще слухи мне опровергнуть? – отчеканила я.

– Вот так откровение! – протянул он. – Клянусь, моя жизнь больше не будет прежней.

– Твоя жизнь и так больше не будет прежней, потому что два дня назад ты квакал. О таком позоре даже друзьям в пьяном угаре не расскажешь, – заметила я.

– Слушай, а на метлах-то ведьмы летают?

– Нет, – процедила я, резким тоном непрозрачно намекая, что ему стоит заткнуться, пока еще губы шевелятся.

Непрозрачные намеки, по всей видимости, на Картера не действовали.

– Почему? – с наивным недоумением уточнил он.

– Попробуй посидеть на жердочке.

– Но метлы вообще летают?

– Ты мне расскажешь о Дороти? – Я посчитала ниже собственного достоинства объяснять, что мы ведьмы, в конце концов, а не дворничихи. Для быстрого перемещения между домами мы пользуемся каминами... как Санта-Клаус. Тьфу!

– Из родственников только брат и сумасшедшая тетка. Правда, я никогда их не видел.

Дав скупой комментарий, Картер примолк и некоторое время, не произнося ни слова, разглядывал проплывающие за окном сельские пейзажи.

– И все? – изогнула я брови, когда догадалась, что продолжения содержательного рассказа не последует. – Не очень-то много ты знаешь о своей невесте.

– Ее выбрал дядька по миниатюрам и резюме из целого выводка выпускниц пансиона. Нас в феврале познакомил поверенный Уильяма в своем кабинете.

В голове моментально выстроилась четкая картина. Благородная, но разорившаяся фамилия Слотер, хорошее воспитание, умершие родители, никакой поддержки. Я плохо разбиралась в проблемах человеческих бесприданниц, но, похоже, Бренцы не бедствовали и ей повезло.

– У меня в столице случился неприятный инцидент с одной замужней дамой. Вернее, с ее мужем... – Он кашлянул и, не вдаваясь в подробности, продолжил: – Уильям взбесился и отправил меня в Сельгрос следить за пивоварнями, а с месяц назад появилась Дороти. Я не думал, что вообще увижу ее до свадебного обряда, но она сидела перед воротами мануфактуры на дорожном сундуке.

– Когда вы планировали пожениться?

– Когда потребуется... Ну... Она думала зимой, – неожиданно пятнистые щеки Картера вспыхнули румянцем, окончательно делая его похожим на божью коровку. Удивительно, но у бывшей жабы, похоже, не до конца атрофировалась совесть, и ему становилось неловко от разговора о навязанной женитьбе.

Конечно, я была принципиально против женитьбы, особенно с внуками заклятых друзей бабки, жаждавших запустить лапы в колдовское наследие Нортонов, но в черных ведьмах с детства выпестовали тягу к самостоятельности, а Дороти чисто по-женски становилось жалко. Я ненавидела несбывшиеся надежды и пообещала себе, что, когда дурдом с превращением жабы в девицу закончится, Картер всенепременно станет хорошим мужем и, по мере сил, порядочным человеком. Даже если для этого ему придется стереть память с помощью зелья.

До поместья мы добрались только после обеда, устав от жаркого дня, набивших оскомину сельских видов и отвратительных дорог. Когда экипаж въехал в уютную деревушку и мимо нас зачастили дома из серого камня с красными черепичными крышами, Картер с кислым видом объявил:

– Отсюда начинаются земли Brentов. – У него на лице ходили желваки. – Ненавижу провинцию.

Я промолчала, откровенно сказать, не понимая, чем деревня была хуже большого города. Лично мне в Сельгросе жилось гораздо веселее и практичнее, нежели в шумной, отчаянно грязной столице. Один отряд ненавистниц во главе с местным пастором чего стоил! Как тут соскучиться?

– Ты правда выросла в том знаменитом замке на скале? – вдруг спросил Картер, а когда я скупо кивнула, то любопытствовал: – И как там?

– Холодно и ветрено, – сухо отозвалась я. – Ты ненавидишь провинцию, а я каменные полы, сквозняки и родственник диктат.

Особняк Brentов появился неожиданно, когда мы выехали из-за поворота. Если бы сейчас Дороти не оказалась запертой в личине жабы, то, наверное, лишилась бы чувств от красоты. В червонных лучах угасающего солнца дом выглядел внушительным и монументальным. Такому были не страшны ни ветра, ни ливни.

Наш экипаж остановился у широкой парадной лестницы, куда уже высыпало не меньше десятка человек прислуги. Народ загомонил, обрадованный приездом молодого хозяина с юной невестой, а потом мы стали выгружаться, и на улицу опустилась гробовая тишина, даже ветер утих.

Сначала на затекших ногах кое-как выбрался Картер, покрытый пятнышками, к концу третьего дня отчего-то ставшими похожими на мелкие засосы, а потом Дороти, в смысле я, на высоченных каблуках, в глухо застегнутом до самого подбородка черном платье и с жабой в аквариуме. Поймав солнечный луч, у меня на груди хищно блеснул маскирующий амулет. Пронзительное карканье вороны, немедленно севшей на пыльную крышу экипажа, прозвучало предвестником большой беды. Ненавижу птиц!

Пока остальная челядь цепенела, как и водится у нормальных людей, подсознательно ощущавших исходящую от черной ведьмы угрозу, Картера расцеловала невысокая полнотелая женщина в сером платье и с чепцом на голове.

– Мальчик мой, наконец-то ты дома! Какой ты красивый! Пятнистый... прямо как далматинец дядюшки Флинта...

Человеческие ритуалы по проявлению любезности и привязанности меня заботили мало. Пока они лобызались и приторно улыбались, я успела заметить, что в окне второго этажа шевельнулась занавеска и мелькнул край ярко-желтого одеяния. Похоже, в доме жила юная девушка.

– Мэри, ты совсем не изменилась, – улыбнулся Картер и обратился ко мне: – Мэри наша экономка.

– Здравствуйте, госпожа... – запнулась она.

– Называйте меня госпожа ведьма, – машинально представилась я, следя за тем, как призрачное создание в желтом платье растворилось в глубине дома. Тут стало ясно, что лица жильцов огромного дома несколько вытянулись.

– В смысле... Дороти, – поправилась я с ласковой улыбкой, от непривычки сводящей челюсть, и протянула узкую ладонь для приветствия.

– Не стоит, милая, – сквозь зубы пробормотал Картер и поспешно отвел мою руку. Видимо, он, как и многие, был уверен, что через прикосновение черная ведьма могла выпить из человека жизненную энергию или проклясть. Абсолютно очаровательное заблуждение.

Тут Мэри потеснила его бедром, а потом, ни с того ни с сего крепко схватив меня за плечи, заставила нагнуться и звонко расцеловала в обе щеки. Не думала, что когда-нибудь остолбенею от изумления, но все-таки остолбенела, ошарашенно уставившись на румяную гостеприимную толстушку. Даже в ушах зазвенело.

У них тут воздух особенный или еда, что у всех, кого ни ткни, даже у экономки, при-туплен инстинкт самосохранения? Я же черная ведьма, исчадие ада, воплощение зла, самый опасный человек в этом королевстве! Ну, после бабки Примроуз, конечно. Что с ними?!

– Как же я рада встрече! – прокудахтала Мэри.

Видимо, у меня сделался ужасно красноречивый вид. Картер немедленно вспомнил, что после обеда злобная колдунья начинает направо и налево проклинать людей, а потому настойчиво сжал мой локоть:

– Добро пожаловать в Кросфильд... милая?

Мы вошли в холл с широкой лестницей, застеленной красным ковром. Следом втянулись слуги, старавшиеся держаться на уважительном расстоянии. В особняке царило глухое, тяжелое безмолвие. В воздухе витал сладковатый запах, вряд ли его ощущали жители, но мне-то было известно, что именно эта вкрадчиво-печальная сладость появлялась в домах, где обитала смертельная болезнь.

Тут на лестнице в компании высокого нескладного человека с черными нарукавниками появился Brent-старший.

– Вы приехали, – констатировал он, вперившись взглядом в Дороти в стеклянном пузыре. Очевидно, что вид огромной жабы настолько поразил воображение Уильяма, что он вместо приветствий спросил:

– Что это?

– Кто это, – поправила я с чопорным видом. – Домашний питомец.

Картер рядом со мной поперхнулся.

– Теперь собачки не в моде? – уточнил Brent-старший.

Он смотрел без страха и очень внимательно, как будто догадывался, что под мороком симпатичной девочки пряталась ведьма. За все мои двадцать три года ни один мужчина не позволял себе так нахально и уверенно тарашиться мне в глаза. Ведьмаки боялись фамилии Нортон, а обычные мужчины просто боялись.

– У меня начинается насморк на всех, кого надо кормить и выгуливать, – отозвалась я без улыбки.

– Приведите себя в порядок и поздоровайтесь с Флинтотом, – мгновенно теряя к нам с Дороти интерес, в приказном порядке велел Уильям. – Мэри подготовила вам комнаты. Вы же не против жить отдельно? Дядька у нас строгих правил.

В холле повисла натужная пауза, и я не сразу сообразила, что ответа почему-то ждут от меня.

– Конечно, – согласился Картер, видимо, понимавший, как сильно ему повезло, что не придется делить спальню с черной ведьмой. Мне-то лично было глубоко наплевать, но бедняге пришлось бы спать в гардеробной или на коврик под дверью, и лег бы сам, побоявшись пристроиться на краешке кровати.

– Пройдем в кабинет и дадим твоей невесте передохнуть, – предложил Уильям самым любезным тоном, но между строк слышалось, как он предлагал мне бравым шагом отмаршировать к комнате и намекал, что с дороги я выглядела... запыленной, точно карета или дорожный

сундук. Умыться я бы действительно не отказалась и, больше не взглянув на братьев, направилась следом за Мэри.

Коридор оказался длинным и глухим, на обтянутых шелком стенах висели портреты умерших Брентов. Когда с беспрерывно стрекотавшей, как чечетка, экономкой мы прошли мимо библиотеки, то через раскрытые двери я заметила сидевшую в кресле русоволосую девицу в желтом платье, отчаянно строившую вид, будто она читает. Хотя становилось очевидным, что место она выбрала неслучайно – хотела, получше рассмотреть пришлицу. Мэри не обратила на нее никакого внимания и, грешным делом, я решила, будто девица давно мертва, и передо мной, как часто бывало в старых домах с печальной историей, появился запертый в стенах особняка дух.

– Что за девушка сидела в библиотеке? – полюбопытствовала я у экономки, и неожиданно она мне ответила:

– Эбигейл, воспитанница дядюшки Флинта. Приехала из пансиона по просьбе вашего деверя. Они с Картером выросли вместе, но никогда не ладили. Цапались, как кошка с собакой, пока господин Уильям не забрал брата к себе в столицу.

Чувствуя взгляд, свербящий затылок, я тихо щелкнула пальцами. Резко хлопнула дверь библиотеки и донесся болезненный вскрик. Так и знала, что девчонка высунулась, чтобы проследить за нами, и ей прищемило пальцы.

– Ой, вы слышали? – обернулась Мэри.

– Нет, – покачала я головой. – Ничего не слышала.

В самом конце коридора экономка остановилась и, отперев замок большим ключом, толкнула двери. На нас неожиданно полился оранжевый густой свет, на секунду резанувший глаза. Комната оказалась огромной, с добротной старинной мебелью, большим камином и, главное, с чистым совсем новым зеркалом в золоченой оправе. С виду обычная спальня, никаких проклятий или заговоров.

– Надеюсь, вам здесь понравится. – Мэри взялась опрашивать несуществующие складки на шелковом покрывале, застилавшем высокую кровать со столбиками.

– Вряд ли, – пристраивая аквариум с Дороти на широкий подоконник, отозвалась я.

– Простите? – видимо, экономке показалось, что она ослышалась. – Как вам вид из окна?

Окна выходили на ухоженное семейное кладбище со знаками светлой Богини над могилами. Хотелось надеяться, что по ночам духи умерших Брентов не станут царапать в стекла и пытаться одолевать меня мелкими просьбами.

– Неплохо, – согласилась я. – Кладбища напоминают мне о папе.

– Ох, госпожа Дороти! Мы так привыкли к погосту, что даже в голову не пришло... – Мэри испуганно осеклась. – Ведь ваши родители умерли...

– Папа умер девять лет назад, – согласилась я, искоса глянув на покрасневшую от неловкости экономку. По какой-то причине, мне совершенно неясной, в разговорах о смерти обычные люди становились ужасно щепетильными.

– Вы по нему, должно быть, скучаете?

– Я бы скучала по нему чуть больше, если бы он согласился упокоиться с миром, как это в свое время сделала матушка, – заметила я, отходя от окна, а румяная толстушка испуганно икнула.

При жизни папа был профессиональным некромантом и теперь беспрестанно вселялся в кого-нибудь из замковых черных прислужников или даже в дядьку Аскольда, а потом мелко пакостил бабке Примроуз за то, что при жизни злобная теща с изяществом выедала ему чайной ложкой мозг.

– Проголодались с дороги? – попыталась Мэри перевести разговор. – Обед уже закончился, ужин в восемь, а сейчас как раз время чая. Наш повар Жюль готовит вкуснейшие профитролы. Он из королевства Фракии, влюбился в наши просторы и остался здесь жить.

– Профитроль? – не поняла я.

– Жюль, – поправила Мэри. – Вы ведь любите сладкое?

– Ненавижу.

Экономка замялась, на круглом лице отразилась работа мысли. Видимо, она прикидывала, как станет сживаться с молодой хозяйкой, когда Картер унаследует поместье, если она, эта странная высокая девица с идеально гладким пучком, в черном платье и на высоченных каблуках, характером не лучше колючего ежа. Слугам повезло, что я была не Дороти.

– Но я с удовольствием выпью чаю... – улыбнулась я. – С говяжьей отбивной, жареной картошкой и... что у вас там было на обед из горячего?

– Куриный суп с гренками, – зачарованно вымолвила Мэри.

– Остался?

Она кивнула.

– Вот, отлично! – изображая бурную радость, хлопнула я в ладоши и тишком сглотнула набежавшую от мыслей о сытном обеде слюну. – Супчику с гренками похлебать тоже будет неплохо. Конечно, все это исключительно к чаю вместо пирожных. А еще попросите кого-нибудь мух наловить.

– Добавить в чай? – для чего-то уточнила она.

– Зачем же? – удивленно пропыхла я, стаскивая с отекавших ног тяжелые туфли. – Сложите в баночку, съедим в натуральном виде.

Едва мне успели принести полный поднос одурительно пахнущей еды и мух в баночке для Дороти, а я только открыла серебряные колпаки, намереваясь, хорошенько позавтракать, пообедать и почаевничать, как в дверь постучались. Не дождавшись разрешения, в спальню ввалился Картер. Выглядел шантажист не лучшим образом, помятым и измотанным.

– Уже надо идти к дядьке? – уточнила я, с большим удовольствием проглотив ложку наваристого супа. Не помню, откуда уж сбегал Жюль, но готовил он божественно.

– Как? – Картер с оголодавшим видом уставился на поднос.

– Что? – изогнула я брови.

– Как ты уговорила Мэри тебя накормить до ужина?

– Я же черная ведьма, – пожала плечами. – У нас особое обаяние.

– Заявление, конечно, спорное, – громко сглотнула бывшая жаба.

– Проклянута, – с вкрадчивой улыбкой отозвалась я и широким жестом предложила: – Присоединишься к трапезе?

Не сводя взгляда с еды, Картер резво подсел за круглый столик, полностью занятый огромным подносом, схватил приборы и откромсал огромный кусок мяса.

– Оно с кровью, – заметила я.

– Я так голоден, что сожрал бы мясо, даже если бы оно вообще было сырым. – Он зачихнул кусок в рот и принялся с наслаждением жевать.

– Ну, тогда приятного аппетита, смотри от жадности не подавись, – пожала я плечами. – Интересно, Дороти расстроится, если ты умрешь голодной смертью, или она уже поставила крест на женитьбе?

В следующий момент мясо у Картера пошло не в то горло, он выпучился.

– Я тебя не проклинала. Слышал, что на водопое змеи даже козлов не кусают? – пришлось тут же откреститься от черномagicеских шуток. – Просто ешь помедленнее.

Плеснув из графина воды, я протянула Картеру стакан. Напрочь забыв, что не пьет из рук черной ведьмы, в три глотка он осушил содержимое и произнес:

– Нам надо идти, а то Уильям взбесится. Флинт выглядит отвратительно, не сегодня завтра концы отдаст. Думаю, что прямо сейчас он объявит меня наследником.

С едой было покончено, и мы направились в хозяйское крыло. С приближением к апартаментам дядюшки Флинта запах болезни казался гуще и отчетливее. На стенах, затянутых в натуральный шелк, дремали серебристые ночные мотыльки – еще одни спутники смерти.

В комнате нас дожидались: гладко причесанный пастор, воспитанница Эбигейль с перевязанными пальцами, Уильям, отвратительно хорошо выглядевший без пиджака, парочка невнятных типчиков, явно стервятников из благотворительных фондов, и нескладный человек в наруканниках, встретившийся нам в холле сразу по приезде. Воздух отравляло незаметное для других сладковатое зловоние. К своему счастью, не умеющие распознавать тошнотворный запах смерти люди сгрудились вокруг высокой кровати с тяжелым балдахинном. На ней, откинувшись на подушки, лежал изможденный, тяжело дышавший старик с изрезанным морщинами лицом.

Тишина стояла такая, что стук моих каблучков о наборный паркет показался на редкость непочтительным. Выцветшие глаза дядьки сфокусировались на мне, я ответила ему столь же пристальным взглядом. Он едва заметно кивнул, подзывая поверенного. Тот немедленно нагнулся к его губам, а когда выпрямился, то вымолвил:

– Господин Brent говорит, что вы гораздо красивее, чем на миниатюрах.

– Не устану повторять, что от некоторых портретистов краски стоит запирасть в столе, – игнорируя возмущенные взгляды братьев Brent, намекнула я, что портретик просто подкачал. Дороти, что греха таить, действительно была симпатичной.

Обмен любезностями, вероятно, закончился, и стряпчий объявил:

– Господин Brent готов объявить последнюю волю...

В этот острый момент гробовой тишины и напряженного молчания у меня в кармане платья басовито загудела пудреница с зеркальцем, словно закрытый в банку майский жук. Меня разыскивала Брит, больше некому. Что ж так не вовремя-то?

Присутствующие начали оглядываться, не понимая, откуда доносится необъяснимый звук. Только Уильям нацелил острый взгляд на меня, как будто догадывался, кто именно являлся источником неприятного жужжания. Наконец Брит сдалась. Настала уважительная тишина. Откашлявшись, стряпчий снова открыл рот:

– Господин Brent желает...

Зеркало снова загудело.

– Господин... – заикнулся поверенный.

– Мухой ко мне! Если не придешь ты, то приду к тебе я! – заявила Британи из моего кармана, но отчего-то показалось, будто потусторонний голос лился с потолка. Народ дружно сошел с лица.

– Смерть на пороге! – потрясенно пробормотал пастор, осенил себя божественным знаком и, закатив глаза, упал без чувств.

Дядюшка Флинт, взиравший на будущих наследников из глубины кровати, вдруг резко сел, не иначе как хотел сбежать от смерти. Начался страшный переполох. Эбигейль кинулась обратно укладывать вдруг ожившего благодетеля. Кто-то бросился приводить в чувство пастора. Уильям налил умирающему воды в стакан, остальное прямо из графина выплеснул на зеленеющего пастора.

Вселенское спокойствие сохраняли только поверенный, вероятно, за свою карьеру насмотревшийся всевозможных истерик, да я, невольно испоганившая торжественность момента. Пришлось сунуть руку в карман и сжать пудреницу, пока меня не уличили в вопиющем неуважении к желанию приличного человека отбыть на тот свет, не оставляя после себя непонятностей.

Никем не замеченная, я тихонечко выскользнула за дверь, и едва оказалась в одиночестве глухого коридора, как выхватила зеркало. Отщелкнув крышку, обнаружила, что из круглого

окошка в золотой оправе на меня смотрел один кошачий глаз с красной радужкой – обозреть кухню целиком в крошечном зеркальце было невозможно.

– Кто ты? – испугалась она.

– Добрая фея в озверелом настроении! – рявкнула я.

– Уф... – пропыхтели с другой стороны магической связи. – У меня чуть сердце не остановилось.

– У меня тут от твоего божественного голоса едва коллективная остановка сердца не случилась. Ждем одни похороны, а чуть восемь не получили! Помолчи...

Кто-то попытался выйти из покоев, пришлось быстренько ретироваться. Простучав каблуками по паркету, я добралась до следующей двери, с помощью магии вскрыла замок и прошмыгнула в комнату, залитую утихающим вечерним солнцем.

– Нашла что-нибудь? – проворчала я.

– А то! – ухмыльнулась Брит. Вернее, оставалось предполагать, что она там ухмыльнулась, мне-то в пудренице было видно только сощуренный, поблескивающий радостью глаз. – Скоро буду у тебя!

– Подожди, Брит! Я сейчас... не в лавке, – закончила я мысль собственному отражению в зеркале, вернее, маленькому носу Дороти.

Не дослушав, нетерпеливая кухня разорвала магическую связь, а мне немедленно вспомнились все проклятья, одно другого краше, превращавшие логово в ловушку с надписью «Закрывается» на входной двери. Наверное, стоило нарисовать череп со скрещенными костями.

Боясь представить, что останется от лавки после того, как Британи, к примеру, окосеет или захромает, я моментально бросилась к огромному камину с аккуратно сложенными свежими поленьями, но тут же вспомнила о Дороти, поквакивающей в аквариуме, и развернулась на выход...

В дверях, сложив руки на груди и привалившись к косяку плечом, стоял Уильям и внимательно наблюдал за метаниями будущей родственницы. От неожиданности я даже подвернула ногу.

– Дороти? – самым вежливым тоном спросил он, как будто был не уверен, что я представилась реальным именем. – Что вы здесь делаете?

– А вы? – не растерялась я, сдув с лица выбившуюся из гладкого пучка прядь.

– Учтите, что это моя спальня, – развел он руками, – вам, дорогая невестка, отвечать первой.

– Ваша?

Мгновенно на глаза попала деревянная вешалка для мужских костюмов с пиджаком на плечиках.

– Дом такой огромный, что я заблудилась.

– Вы говорили с зеркалом, – заметил Уильям, видимо, не услышавший тот самый божественный голос, доведший целую комнату людей до нервного срыва.

– Обсуждала сама с собой, как к утру добраться в гостевое крыло. Так сказать, строила четкий план, чтобы окончательно не заплутать и не оказаться в подвале.

– И как успехи? – с иронией уточнил мужчина.

– Решила для начала выйти из комнаты.

– То есть вы направлялись к камину, потому что пытались выйти? – продолжал измышляться он. – Думали вылезти на крышу через дымоход?

– А вы говорите со знанием дела, – не удержалась я от ответной шпильки, – но мой внутренний голос подсказал, что лучше начать поиски с коридора, а не с дымохода.

– Какой на редкость здравомыслящий внутренний голос, – изогнул Уильям брови, уже не пытаясь скрыть усмешки.

– Сама не нарадуюсь. Так что если вы не возражаете, то позвольте откланяться.

Мужчина потеснился, уступая мне дорогу, но лишь мы поравнялись, как схватил меня за локоть и заставил остановиться. Упомянуть, что меня никто никогда бесцеремонно не хватал за локти, даже не имеет смысла. Отсутствие инстинкта самосохранения, похоже, было семейным изъяном Брентов, заложенным природой с рождения. Другого объяснения столь вопиющему отсутствию страха просто не выходило придумать.

– Дороти, – уставившись мне в глаза с ниоткуда возникшим холодом, произнес он, – надеюсь, что я никогда, ни при каких обстоятельствах больше не застану вас в своей спальне.

Он пытался меня напугать, наивный северный лицеист.

– Не сомневайтесь, Уильям, – осторожно освобождая руку, чтобы не сорваться и не шарахнуть наглеца магическим разрядом, спокойно вымолвила я, – в следующий раз постараюсь блуждать прицельнее, чтобы уже или в спальню к Картеру, или сразу в кухню.

Внимательный взгляд продолжал буравить точку у меня между лопатками, пока я не скрылась из поля видимости.

* * *

Как и в большинстве домов королевства, камин в лавке был небольшим. Переместиться в него, не разбив до крови лба, выходило, исключительно свернувшись в три погибели, едва ли не засунув голову между коленок. К слову, обувь тоже никогда не перемещалась, оставалась в отправной точке, а маскирующие амулеты затухали. Так что медальон с туфлями пришлось оставить в спальне, и в лавке я оказалась босая, в собственном облике и с обмякшей жабой на руках.

Каминная решетка была перевернута, намекая, что Брит все-таки успела появиться раньше меня. Обнаружилась кухня в торговом зале, поблескивающим паутиной разномастных заклятий против воров. Парализованная, она окаменела с запущенной в открытый кассовый аппарат рукой и остекленелыми глазами жадно тарасилась в пустые отделения для монеток.

Очень по-родственному воровать у сестры. Хуже только в моих фирменных флаконах продавать приворот, способный превратить человека в жабу. И что не так с нашим семейством? А ведь благородная фамилия, хорошее воспитание...

Высокую фигуру рыжеволосой ведьмы затягивала зеленоватая сетка заклятья. Прикоснувшись, я разорвала тонкое, невидимое глазу обычного человека плетение и, скрестив руки на груди, наблюдала, как Брит приходит в себя.

– Эльза! – резко оглянулась она на мое сдержанное покашливание, а ящик сам собой с грохотом втянулся в кассу. – А я проверяю, не стащили ли вору монеты.

– И много не стащили?

– Так не успела выяснить, проклятьем шарахнуло... – без намека на неловкость пожаловалась она и, стараясь перевести разговор, полезла под корсаж за сложенным вчетверо листочком. – А вот и зелье!

Проверив написанную идеально ровным почерком (сразу видно, что писало заговоренное перо) рецептуру, я усомнилась в простоте:

– Ты уверена?

– Списала из гримуара бабки Примроуз, так что результат стопроцентный, ее зелья всегда работали.

– Ты залезла в бабкин гримуар? – восхитилась я, помня, что старая ведьма всегда прятала ведьмовскую книгу в личных покоях с охранниками на дверях и с камином, опечатанным проклятьем. – Как?

– Отвлекла ее внимание пожаром на кухне. Идем варить? – Она присмотрелась к жабе у меня в руках и вдруг плотоядно облинулась. – Говорят, что рагу из жабы удивительно наваристое и считается деликатесом во Фракии.

– Не знаю, – буркнула я, покрепче прижимая Дороти к груди. – Никогда не бывала во Фракии.

– Может, ну его, зелье? – Брит предлагала столь серьезно, что было непонятно, подшучивает или действительно хочет оскоромиться мясистой ножкой заколдованной девушки.

Неужели приближалась ночь Кровавой луны, а я не заметила за нервотрепкой с Брендами? В этот праздник у всех ведьм начинал подтекать чердак и проявлялись странные причуды. Кого-то тянуло голыми на метле полетать (вороны недоделанные), кого-то светлого зелья вкусить, а потом еще неделю болеть несварением. Кузина, вон, вдруг на жабу принялась облизываться.

– Только через твой труп! – ткнула я в нее пальцем и направилась в кухню, попутно перепрыгнув через зеленоватую кляксу с проклятьем колченогости.

В кухне царил парилка. Воздух был душным, горячим, и разогретый очаг с шумящим магическим котелком на огне никак не способствовал прохладе. Пока Дороти поглядывала из вазона на мух, мы с кузиной варили снадобье.

– Рыбы глаза четыре штуки, – прочитала я по бумажке, потянувшись за банкой и обнаружила, что Брит уже отсыпает желеобразную зловонную субстанцию в котел прямо из горла.

– Четыре! – рявкнула я.

– Хуже не будет. Знаешь, как говаривала моя матушка? Кашу жабе рыбьими глазами не испортишь. – Она принялась мешать в котелке деревянной ложкой.

Но оказалось, что хуже могло быть, хотя беды ничего не предвещало. Едва зелье закипело, а ядовито-алый дым, невыносимо вонявший ненавистным рыбьим жиром (по-соседски рассчитывала, что аптекарю с женой-кулинару тоже аппетит отбило на неделю), повалил, как из жерла вулкана, варево начало стремительно чернеть. Не успели мы опомниться, а субстанция загустела, приобретая консистенцию тягучей смолы.

– Снимай! – взвизгнула сестрица. – Снимай!

Чугунная посуда со звоном брякнула на деревянную подставку. Не веря в провал предприятия, мы с Брит тарасились внутрь котелка. На наших глазах смола стремительно окаменела и даже треснула, как засохшая земля.

– Говоришь, кашу не испортишь? – проворчала я, хмуро глянув на Брит. – Поэтому у твоих хлыщей то хвост из штанов вылезет, то копыта появятся.

– У тебя ведь еще есть котелки? – Пальчиком она постучала по черной застывшей корке.

Через четыре котелка и три кастрюли за окном загустела ночная темнота, аптекарь с семьей, судя по звукам, доносившимся из открытого кухонного окна, сбежал на другой конец города, а я превратилась в черную ведьму, которой оказалось не в чем варить не только зелья, но и даже супы. Совершенно выбившиеся из сил, мы смотрели на чистый ковшик с медной ручкой, стоявший на столе между нами. Было очевидно, что мы ошиблись в рецептуре. Семь раз подряд.

– Рыбы глаза закончились? – уточнила кузина, помотав четыре жалкие штуки по дну банки.

– Угу.

– Значит, последняя попытка.

– Она и так последняя, посуды тоже не осталось, – со вздохом намекнула я на шеренгу испорченной хозяйственной утвари, жавшейся на полу по стенке.

За последние часы мы отработали движения до машинальности, а потом из медного ковшика снова повалил кроваво-красный дым, а зелье принялось густеть.

– Да чтоб тебя! – плюнула я, и неожиданно жидкость просветлела, зазолотилась, приобретая красивый цвет наваристого бульона.

– Что ты сделала? – удивилась Брит.

– Выругалась, – медленно выговорила я.

Мы переглянулись и вдруг поняли!

– Хочешь сказать, что бабкин секретный ингредиент... – Брит передернуло. – Выходит, она во все зелья плюет? Великая Нортон плюет в свои зелья?!

– Темная Богиня, я до шестнадцати лет пила ее укрепляющие эликсиры и закапывала в глаза капли для остроты зрения.

Уверена, что мое лицо было столь же отвратительного зеленоватого цвета, как и у Британи.

– Ты до шестнадцати, а я только вчера флакон снадобья от похмелья выхлебала, – судорожно сглотнула она.

– Давай сделаем вид, что мы никогда об этом не узнали? – жалобно прошептала я, как будто могла по шелчку пальцев стереть неугодные воспоминания. – И больше никогда не будем воровать рецепты из ее гримуара.

– И пить зелья! – поддакнула кузина.

Мы синхронно кивнули, мысленно давая зарок.

С невестой, в отличие от жениха, решили поосторожничать. Не швырять в ковшик с зельем, а полить сверху тоненькой струйкой, изображая душ. Пока выкупанная жаба не превратилась в девушку, переложили на застеленный полотенцем стул. Думаю, Картер проследил бы, если бы увидел, сколько деликатности отвесили его благоверной две черные ведьмы, учтивостью к простым смертным вообще-то не отличавшиеся. Бабка Примроуз от возмущения точно схватилась бы за сердце.

Едва Дороти обсохла, как вокруг бородавчатого пухлого тела заплясали магические огоньки. Брызнула ослепительная вспышка, точно на озаренной свечами кухне взорвалось крошечное солнце. Прикрыв глаза, я с наслаждением представила, как заберу из поместья вещи, вернусь в лавку, а напоследок оставлю Бренту-старшему какое-нибудь пакостное проклятье. К примеру, удивительное в своей мерзости проклятье волосатости, когда ладони покрывались жесткими, похожими на волчью шерсть волосками и ничем, кроме эликсира для облысения, не убирались. Тот, в свою очередь, лишал всех волос, даже ресниц...

– Кхм, Эльза? – сдержанно позвала меня Брит, вырывая из блаженных мечтаний.

Приоткрыв один глаз, чтобы взглянуть на преобразенную Дороти, я вздрогнула в непритворном ужасе:

– Что это?!

Мне бы подошел любой вариант: квакающая девушка, девушка с синими волосами, с пяточком вместо носа, с кошачьими глазами, даже хвостатая, но на стуле, спрятав лапы и голову под панцирь, сидела большая черепаха!

– По-моему, зелье не очень помогло, – резюмировала Брит.

– Ты же сказала стопроцентное превращение! – воскликнула я, отказываясь верить в реальность происходящего.

– Она ведь превратилась, – осторожно заметила кузина, боясь спровоцировать во мне приступ ярости.

– В худшем случае Дороти должна была сохранить жабью личину, но она стала черепахой!

– Ну, ведь тоже земноводное.

– Но у нее панцирь! Как я объясню его появление Брентам?!

– Скажешь, что неожиданно за ночь отрастила. Кстати, в доме сквозит? – деловито поинтересовалась Брит и, когда я зачарованно кивнула, продолжила: – Вот! Замерзла и отрастила панцирь. Такая бронированная лягушка. Как думаешь?

– Думаю, это звезда моей лицензии, с большой литеры «Пэ». – Я поправила на носу очки и прямо как наяву услышала издевательский хохот бабки Примроуз, не впуская меня в замок ради профилактики приступов самостоятельности.

Пока мы, ошарашенные провалом, ломали голову, как помочь бедной бронированной Дороти, она кувыркнулась со стула и со стуком тукнулась о каменный пол. В воздух брызнула новая вспышка, заставившая нас на секунду зажмуриться. Вместо черепахи под стулом съелась приличного размера крыса с коричневой подпалиной на спине.

– А это-то я как объясню?! – взревела я.

Отчаянный вопль взбудоражил хвостатую тварь, и та галопом рванула под шкаф.

– Держи ее!

Кузина моментально выставила указательный палец и направила в несчастное животное, едва обросшее шерстью, магический луч. Первая молния оставила черный опаленный след на полу, а крыса сделала резкий вираж и устремилась в торговый зал.

– Остановись! – выкрикнула я как раз в тот момент, когда второй магический удар достиг цели. Беглянка подпрыгнула и скovyрнулась набок. В воздухе повеяло паленой шерстью, а от серого плотного тельца шел подозрительный дымок.

– Ой, – глубокомысленно пискнула сестрица, пряча руки за спину.

– Ты ее поджарила!

Чувствуя, как в жилах леденеет кровь, я со всех ног бросилась к бедняжке Дороти, но по дороге шмякнулась мизинцем о котелок. Скривилась от боли и высказала вслух все, что думаю о неумехе Брит, о Томми, заразившем меня неудачливостью, о гулящем Картере и даже о его надменном брате, отчего-то решившем, будто он достоин внимания настоящей черной ведьмы в тринадцатом поколении. Говорила громко, матерно и витиевато, удивляясь, что так умею. Кузина даже рот открыла от изумления.

Клянусь, они бы все по очереди оказались проклятыми, но Дороти ожила! Сначала дернулась, повозилась, а потом, точно получив пинок для ускорения, рванула под стеллаж в торговом зале. Толкаясь и ругаясь, мы с Брит бросились следом, хотя понимали, что не сумеем догнать приобретшую невиданную скорость невесту. Вдруг темный зал озарила новая вспышка.

– Опять?! – застонала я.

Когда перед глазами перестали плясать радужные круги, то мы разглядели на полу знакомую жабу, обездвиженную проклятьем паралича. Британи, взлохмаченная и запыхавшаяся, сползла по стенке и прошептала:

– Какое счастье, что не в таракана.

– Зато теперь я точно знаю, что ни одно оборотное зелье из нее не сделает человека, – тяжело опускаясь рядом с кузиной, рассудила я.

Вдруг снова сверкнула магическая вспышка. Дороти опять обратилась в крысу, на счастье, парализованную.

– Впрочем, жабой она тоже долго не пробудет, – вздохнула я.

В гробовой тишине затрещали часы, выехала кукушка и прокаркала страшным голосом три часа ночи.

– Я вот что думаю... – вдруг произнесла Брит, и я уж решила, что сейчас она выдаст гениальную идею по превращению жабы в бабу, но услышала: – Тебе нужна птичья клетка.

– Полагаешь, если ее посадить в клетку, то она перестанет перекидываться?

– Нет, но если она вдруг отрастит крылья вместо хвоста, то поймать ее будет гораздо сложнее.

– А если она правда превратится в муху или таракана? – ужаснулась я собственной мысли и тут же постучала по деревянному полу, чтобы не сглазить, как всегда бывало, когда дурацкие предположения облекались в слова.

– Тогда добро пожаловать в замок Нортон, кузина, – издевательски похлопала меня по плечу Британи. – Бабка будет в восторге, когда начнет планировать твою свадьбу с тем недомерком. Кстати, ты его видела вживую? Отвратительный тип даже для черного колдуна. Он достает нам до плеча и все время смотрит в вырез платья.

– Британи? – сдержанно позвала я.

– А?

– Прокляну.

Прежде чем исчезнуть в воздуховоде камина, кухня попыталась меня успокоить:

– Не нервничай, Эльза. Ты же знаешь, что как бы Томми ни прятался, бабка все равно его за пару недель найдет. Обещаю, прежде чем она пустит брата на жаркое, он скажет, из чего сварил свою отраву. Скоро твоя жаба, в смысле крыса... – Брит покосилась на охваченную магической дремой Дороти у меня в руках. – Ну или кем она обратится на тот момент, станет девушкой.

– Ты правда так думаешь?

– Нет, но я пытаюсь тебя поддержать, – ухмыльнулась сестрица и послала мне воздушный поцелуй. – Как-нибудь в гости загляну в это твое поместье.

– Лучше оставайся в замке, – сдержанно отказала я в визите.

Две черные ведьмы в одном особняке – это почти колдовской шабаш, а старик Brent мне ничего плохого не сделал, чтобы впустить Брит и разнести дом на дощечки.

– Удачи! – прокряхтела кухня и абсолютно неженственно свернулась калачиком в камине.

Вспыхнуло колдовское пламя, и она исчезла, а следом внутрь полезла я, босая, растрепанная, со спящей крысой на руках. Разгромленная кухня и перепорченная утварь претили моему чувству прекрасного, но за окном занимался рассвет, и вряд ли Картер сумел бы объяснить очередной неожиданной мигренью отсутствие невесты за завтраком.

Но, как водится, если черной ведьме не везет, то во всем и сразу, глобально. Когда я переместилась в особняк и уселась на сложенные поленья, хотя из своего камина предусмотрительно вытащила их еще днем, то поняла, что ошиблась с покоями. Боясь вылезти из каминной пасти, с опаской оглядела комнату, окрашенную предрассветной сединой.

На кровати, зажав в сложенных на груди руках крест, сладко похрапывал пастор. Я так изумилась, что даже приподняла голову и немедленно тюкнулась затылком о прогоревший свод. И пока прикидывала, как бы перебраться через каминную решетку, не зацепившись длинным подолом за острые кованые пики, Дороти пробудилась от дремы и выскользнула из моих рук.

– Куда? Стой, дура! – Я бесполезно сжала кулак, пытаюсь поймать беглянку.

Мелькая хвостом и лапами, невеста дернула под пасторскую кровать, а подо мной с оглушительным грохотом перевернулась каминная решетка. Наверняка от взрывоподобного шума вздрогнули даже лошади в конюшнях, а святой отец резко сел на кровати и осенил себя божественным знаменем.

– Помоги светлая Богиня пережить грозу! – пробормотал он и прямехонько устался на меня, замершую в нелепой позе и во всей натуральной красе, то есть с кошачьими глазами и цветом лица, как у свеженькой утопленницы.

Тишина стояла такая, что звенело в ушах.

– Госпожа смерть, мое время пришло, или вы ошиблись комнатами? – громким голосом, как будто не бредил секунду назад со сна, спросил пастор.

Тут крыса выскользнула из-под кровати и уселась на видном месте, нахально умывая усатую морду.

– Я за ней! – ткнула я пальцем в сторону Дороти.

– Не за мной. Какое счастье... – выдохнул святой отец и без сознания рухнул на подушки. Едва он обмяк, как предрассветные сумерки разрежала яркая вспышка, и крыса снова превратилась в жабу.

– И не говорите, святой отец, – поддакнула я, подхватила невесту и тихонечко улизнула из пасторской спальни.

На свечах в особняке явно экономили. Извилистыми коридорами, застеленными пыльными коврами, в потемках я добралась до выделенных мне покоев и едва не ослепла от зеленоватой вспышки, когда открывала замок с помощью магии.

В комнате были плотно закрыты портьеры, но накопленное за день тепло вышло сквозь открытое окно. Пахло влажной свежестью и конюшней. Слышались людские голоса, вероятно, прислуга уже просыпалась. Из последних сил я отмылась от каминной сажи, нацепила маскирующий амулет и, кажется, заснула еще до того, как уткнулась лицом в подушку.

Дороти счастливо дремала в аквариуме.

Глава 3

Черная ведьма в дурном настроении

Кто-то открыл портьеры с громким и неприятным звуком. В лицо ударил яркий солнечный свет, а следом прозвучал деловитый женский голос:

– Молодая госпожа, пора готовиться к завтраку.

Сморщившись, я с трудом разлепила веки и попыталась сфокусировать мутный взор на самоубийце, решившемся разбудить черную ведьму. Ею оказалась невысокая пышка в нелепом чепце на голове. С трудом удалось припомнить вчерашний день и румяное лицо экономки Brentов.

– Как вы себя чувствуете? Ваша мигрень прошла? – поинтересовалась она исключительно ради вежливости.

Интересно, это было такое изящное издевательство? Сделать вид, будто беспокоишься о здоровье больного человека, а потом распахнуть занавески на втором окне и позволить солнечному свету залить каждый кубический дюйм пространства.

– У вас было закрыто, пришлось воспользоваться своим ключом. Вы же не против? – продолжила она. – Я стучалась.

– Мэри, немедленно погасите солнце! У меня сейчас лопнут глаза, – прохрипела я, возмущенная одной только мыслью, что экономка бесцеремонно ворвалась в гостевую спальню и потревожила мой сон. А если бы тут Дороти занималась неудержимым утренним прелюбодением с женихом? Даже стало обидно, что я спала одна, без Картера на краешке кровати.

– Господин Brent велел всем собраться на завтрак в столовой. Он хочет видеть всю семью, – пропела экономка, профессионально скрывая издевательскую интонацию. Наверняка мстила за вчерашний чай с отбивной.

Вдруг она замялась, а потом недоуменно уточнила:

– Вы дали свободу домашнему питомцу?

– Свобода и домашний питомец вещи взаимоисключающие, – назидательно пробормотала я, не желая шевелиться.

– Да, но вашей лягушки нет.

– Как нет?

Мгновенно просыпаясь, я уселась на кровати и воззрилась на временное пристанище Дороти. На дне по-прежнему грелась мутная водица, плавала захлебнувшаяся муха, но невеста исчезла, как предрассветный туман. Я даже глаза протерла, а потом и амулет, надеясь, что зрение станет четче. Никакие ухищрения не помогли, аквариум все равно остался пуст. Похоже, жаба снова превратилась в крысу и слиняла под половицы.

От неприятного открытия головная боль усилилась втрое, а нижнее правое веко мелко задергалось. Я была готова проклясть любого, кто осмелился бы открыть рот и изрыгнуть какую-нибудь глупость, даже если бы сказанное глупостью показалось только мне. Или решил «случайно» обронить словесную шпильку.

Наши с экономкой глаза встретились...

– Пожалуй, пойду, – тонко прочувствовав трагичность момента, ретировалась она.

Когда за ее спиной закрылась дверь, я застонала и упала обратно на подушки. Похоже, мне предстояла очередная бессонная ночь и погоня за непослушной невестой. Оставалось объявить Картеру, что Дороти отрастила хвост и сбежала из-под венца на своих четырех.

В столовой, на мой взгляд, излишне помпезной для загородного поместья, одну стену украшала яркая фреска с растрепанной бурей шхуной. Зато камин оказался на загляденье

большим, в человеческий рост, как в замке Нортон. Знала бы, никогда бы не полезла в узкое окошко в своей спальне, рискуя разбить затылок.

Дверь в сад была открыта, летний сквозняк раздувал легкие занавески, но на улице царилась гробовая тишина, ни стрекота птиц, ни лая собак из псарни. Однако жители большого дома вряд ли замечали маленькие странности, ведь во главе длинного стола сидел дядюшка Флинт и с большим аппетитом заправлялся масляным гренок с клубничным джемом. Выглядел старик бодреньким, свеженьким и совершенно точно передумавшим отправляться на тот свет.

Клянусь, на фоне налившегося здоровьем хозяина поместья гости выглядели полумертвыми, словно мучились коллективным похмельем (не исключаю, что так оно и было). Он точно бы одним глотком отхлебнул у всех разом жизненной энергии, что, впрочем, тоже исключать не стоило.

Опоздав к трапезе на двадцать минут, я напрямик направилась к обеденному столу.

– Дороти! – хитро улыбнулся Флинт. – Как вы себя чувствуете, дорогая невестка?

– Отвратительно, – не стала я жеманничать и коротко улыбнулась: – Зато, вижу, вам стало лучше?

Он поднялся со стула, точно невзначай показав, что не только вернул аппетит, но и двигательные навыки. Дядька оказался ниже меня на целую голову, но продемонстрировал отменные манеры, когда проводил к пустующему месту между Картером с Эбигейл и даже лично отодвинул стул.

– Это чудо, которое для меня совершил пастор Крюгер, – указал он на святого отца, в руках которого тряслась чайная чашка. – Своими молитвами он отпугнул смерть.

– Как нам повезло, что падре с нами, – буркнула я, усаживаясь, а когда случайно толкнула Эбби под локоть, то получила злобный взгляд.

К слову, в противовес дядьке на Картера было больно смотреть. Наследник выглядел таким подавленным, что даже из приличия не смог бы изобразить радость от неожиданного выздоровления богатого родственника.

И только я приготовилась вкусно откусывать, как обнаружила между Уильямом и пастором эффектную дамочку с огненными волосами, собранными под черепаший гребень. От незнакомки за милю несло столичным духом и благовоньями, очевидно, призванными этот самый дух подчеркнуть. Мы встретились глазами.

– Дороти, познакомься с Имоджен. Она гостя Уильяма, приехала вчера вечером, когда ты уже отдыхала, – не поднимая головы, пробурчал Картер, хотя мне лично было глубоко фиолетово, как зовут дамочку, явно вызванную скрасить деревенские будни его старшему брату.

– Нам вчера не хватало вас за ужином, – проворковала Имоджен, словно мы познакомились тысячу лет назад. – Как ваша мигрень?

– Спасибо, все еще при мне, – сухо отозвалась я и немедленно отвлеклась на лакея, положившего в центр огромной фарфоровой тарелки крошечный гренок. Скромность предлагаемой трапезы никак не улучшила настроения. После ночных приключений я бы не отказалась от чая с отбивной и жареной картошкой.

– Пастор Грегори, расскажите еще раз, что с вами произошло, – потребовал дядюшка Флинт.

Святой отец замялся, поднес к губам кружку, и фарфоровый край звучно застучал по фарфоровым зубам. Возникла пауза. Флинт не утерпел и принялся рассказывать сам:

– Сегодня ночью во сне к нашему пастору пришла смерть, но он смело отпугнул ее молитвой к светлой Богине и заставил забрать на тот свет крысу. А я этим утром впервые за много недель поднялся с кровати. Представляете?

– Какая занимательная история, – тихо вымолвила я.

Видимо, теперь от патологической смелости у святого отца так истерично тряслись руки, что гренок падал с вилки. Кстати, я не заметила, как проглотила свой завтрак, даже вкуса не распробовала.

– Дороти, как вам еда? – не делая пауз, неожиданно спросил дядька.

– Вкусно, но мало, – машинально отозвалась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.